

Сафик вел их по своим личным вешкам, которые никто другой высмотреть просто не мог. На что ориентироваться: на обломанную ветку или на заросший

мхом камень под тем же деревом? Оставалось только целиком довериться проводнику. Да и не только поэтому трое товарищей следовали за ним след в след.

Товара оказалось действительно много, не зря Червь дал им три скрипучие тачки. Еще и места не хватило, пришлось обвешаться оружием с ног до

головы. Денек выдался теплый, даже душный, и все четверо быстро взмокли. Даже Сафик, хотя он, конечно, тачку не катил.

— Стой!

Ушастый и Малек сразу замерли, опершись на тачки, потянули с плеч автоматы. А Фред, долбаный упрямец, решил сперва подойти к Сафику, заскрипел дальше. Даже направленный прямо в лоб ствол карабина заметил не сразу.

— Ты чего?

— Я сказал «стой». В следующий раз пристрелю.

— И сам покатишь это дерьмо? — Фред утер пот с лица, огляделся. — Что случилось?

— Заткнись, погань.

Сафик сделал несколько шагов вперед, вытянул шею, что-то рассматривая.

— Может, с вешками своими секретными доигрался? — прошептал Малек. — Козел.

— Тогда нам труба. — Ушастый, звякнув автоматами, повернулся к приятелю спиной, — Возьми левую сторону.

— Кто здесь может быть?

— Не знаю. Послышалось мне пару раз...

— Чего не сказал?

— Сафик тоже слышал.

— Ох, только бы не псы.

Малек зажал под мышкой приклад автомата и аккуратно вытянул из-за спины второй. Бить с двух рук, если совсем туго придется. Хотя шансов мало:

он весь в бесполезном железе, а с невидимой тропы сойти нельзя. Аномалии, мать их.

— Псов тут не будет, — уверенно сказал Ушастый. — Они же умные твари, они в лес не полезут. Тут что-то другое, тупое... Если вообще есть. Волки,

может быть.

— Тоже не большая радость, — буркнул Малек, но немного приободрился.

— Ну что там?! — не утерпел Фред. — Дороги не видишь?

Сафик попятился задом, дошел до Фреда и с разворота влепил ему звонкую плюху.

— Я же сказал: заткнись! Идите сюда все. Вешки моей нет. Уже второй.

— Твою ма-ать... — прошептал Малек, хватаясь за тачку. — Ну, Ушастый, кажись, накаркали.

Сафик, снова отвернувшись от Фреда, сделал два скользящих шага в сторону, осторожно потрогал старую березу. Ни он, ни занятый переваливанием

маленького колеса тачки через корни Малек не заметили, как Фред повел своим дробовиком вслед за проводником. Зато это заметил Ушастый, и, как только Малек остановился, на его плечо лег ствол.

— Упрись, братишка, дай опоры... — прошептал товарищ прямо в ухо Малька и добавил громче:
— Эй, урод! Ты на мушке, следи за лапами!

— Чего это ты за Сафика так испугался?

Голос Фреда дрожал от едва сдерживаемой ярости.

Проводник закончил наконец изучение коры, напоследок даже понюхав ее, сверкнул черными глазами

на обиженного.

— Ну, стреляй, погань! А потом пойдешь первым.

— Никуда он не пойдет, я ему сразу мозги вышибу! — не согласился Ушастый. — Слышь, Фред? Только дернись!

Фред молчал, продолжая целиться в Сафика. Глаза под шапкой давно не мытых светлых волос налились кровью.

Где-то впереди отчетливо хрустнула ветка.

— Тварь здесь, — сказал Сафик, прижимаясь к березе спиной, — Химера. Примерно на два часа, в молодняке. Она уже поняла, что засада не удалась.

Ушастый, бей туда очередью.

Два раза повторять не пришлось. Тишину леса, нарушаемую лишь птицами, разорвал треск автомата. Малек, выставив вперед сразу два ствола, присел

за тачкой, глядя туда, где летели во все стороны перерубленные пополам молоденькие деревца. Могучее гибкое тело скользнуло вправо, приникло к земле,

совсем скрылось в невысокой траве и тут же вынырнуло гораздо ближе, взвилось в воздух, огромным скачком бросившись прямо на людей. Малек еще в воздухе достал зверя, прошил насквозь.

— Здоровая тварь! — Продолжая стрелять, Ушастый упал на бок, перекатился еще дальше от тропы. — Мочи, мочи ее!!!

Малек не успел даже удивиться такой смелости товарища, просто стрелял и стрелял, пока не опустели магазины. С тропы сойти — не шутка. Химера,

конечно, достала бы его, она была совсем рядом, но сзади по твари ударил из карабина Сафик. Ударил прицельно, метя в правое сердце — он видел, как

прошли через левую сторону груди химеры пули Малька и Ушастого.

Тварь завизжала, метнулась в сторону, с безумной скоростью закладывая вираж между деревьями, и тут же, поливаемая свинцом, снова оказалась

возле тропы. Грохнул дробовик Фреда, и химера не ударила лапой Малька, только перескочила через тачки, опять скрывшись за стволами деревьев. Еще

секунду стрелял Ушастый; наконец все смолкло.

— Уйдет, сука! — Фред перезаряжал оружие, в суматохе забыв, как много его на плечах. — Регенерирует и вернется!

Малек отшвырнул в сторону автоматы, тут же схватил другие и выпрямился, вглядываясь в лес.

— Не вернется. Хана.

— Что там? — Сафик подбежал, держа карабин у плеча. — Комариная плешь?

— Вроде мясорубка... — прищурился Малек. — Как полетели куски! А мы ее неплохо нашинковали, Ушастый пол затылка снес!

— Да, во! опять искра сверкнула! — согласился Сафик и опустил оружие. — Счастливые мы, ребята! Непонятно только, как ее в этот лес занесло...

Оголодала? А ты герой, Ушастый.

— Когда страна нуждается в героях, у нас героем становится любой! — Ушастый очень осторожно поднялся и вернулся на тропу. — Отряхни мне спину.

Малек, как бы не цепануть какой дряни.

Все заулыбались, даже Фред, совершенно забыв о произошедшем минуту назад, начал что-то говорить. Что-то о том, как ловко Сафик врезал химере в

спину и как он, Фред, испугался, когда она оказалась прямо перед ним... Договорить он не успел: проводник выстрелил с бедра и, как всегда, не

промахнулся. Аккуратное входное отверстие пули появилось точно посередине лба Фреда.

— Ну зачем ты? — поморщился Малек. — Пусть бы докатил, а там уж...

— Мне решать, брат, — оборвал его Сафик и похлопал по небритой щеке. — Мне. Сам покачу, не беспокойся. Ушастый, за мной должок.

— Сочтемся, — хмыкнул тот, перезаряжая оружие. — Но что с вешкой? Не химера же ее сорвала?

— С вешкой полное дерьмо, — произнес Сафик. — Полное. И мы в нем по уши.

Никита осторожно отложил в сторону косу и достал сигареты. До службы он не курил, но тут все изменилось. Удовольствие небольшое и вредно, а

начинаешь ценить даже вот такую ерунду. Газ в дешевой зажигалке почти иссяк, и Никита здорово поволновался, чиркая, но наконец прикурил. Облачко

дыма поднялось в безветрии довольно высоко, выше кустов, за которыми он пристроился, и Никита стал выдыхать сквозь кулак, в землю — пусть развеется.

Метрах в ста заржал конем Алиханов, его самогонка обычно пробирала первого. Похоже, три сержанта как следует угнездились и своим единственным

подчиненным больше не интересуются. Вот и отлично. Скоро стемнеет, косить станет невозможно, и Никита выйдет к ним. Его пошлют в казарму, там надо

быстро, но тихо раздеться, умыться — и день прошел. Что еще нужно солдату? Чтобы день прошел скорее. А утром... До утра надо еще дожить.

Никита затянулся поглубже и совсем пригорюнился. Утром не утром, а к обеду старшина заглянет сюда, увидит, как мало скошили, и устроит скандал.

Старшину не волнует, что послал он четверых, а косил только Никита. «Как хотите, а чтобы от рожи до ручья все было выбрито, как щека курсанта! Скоро

из казармы шоссе не будет видно, как все заросло!» Ну да, три сержанта взяли самогон, а Никита принес четыре косы — вот так и работали. Завтра его

отыщет Алиханов, схватит за воротник, потащит, а потом...

— Это будет завтра, — пробурчал Никита и сплюнул. — Первый раз, что ли? Сволочи. Все равно в одиночку не скопишь столько.

Не сложилась у рядового Нефедова служба в спецбатальоне. А вот в учебке было нормально, весело даже. Гоняли с утра до вечера, кормили всяким

дерьмом, но зато душа была спокойна. Ты, как все, все, как ты, на разборки в казарме к вечеру ни у кого не остается сил. Потом учебный взвод по шесть, по семь человек разбросали в батальоны, рассовали по ротам, и как-то так вышло, что Никита остался один. Петровский, что приехал с ним, уже ефрейтор и, хотя все смеются, место под солнцем себе отвоевал. Рвач поганый... И ведь били его не меньше, чем Никиту, но постепенно немного зауважали.

За говнистость, что ли? Теперь Петровский сам Никиты сторонится, а скоро, наверное, и гонять начнет вместе со всеми.

Вот я по балде его тогда... — Никита почему-то особенно озлобился, представив себе такую картину. — Не выдержу однажды, и...

Про «и...» он думать боялся. Тому, кто не выдержит, не нужны в спецбатальоне ни монтировка, ни коса. Патроны списывают без разговоров, у половины роты полные карманы. Даже Никита завел себе схрон, куда припрятал уже пятнадцать штук — половину магазина. «АКМ», правда, в оружейке, но взять не сложно: только скажи старшине, что почистить забыл, он сразу в ухо даст и не один, а пять стволов вытащит.

Даже Никита завел себе схрон, куда припрятал уже пятнадцать штук — половину магазина. «АКМ», правда, в оружейке, но взять не сложно: только скажи старшине, что почистить забыл, он сразу в ухо даст и не один, а пять стволов вытащит. Магазин у Никиты тоже был, нашел как-то раз ржавый в траве у третьего блокпоста. Почистил — ничего, пружина ходит.

Третьим с ним и Петровским в роту попал Удунов, сибиряк, наполовину русский, наполовину бурят. Его сразу забрали во взвод «техподдержки», эти и ночевали в своем автопарке. Там Сереге Удунову приходилось не лучше, а скорее даже хуже, чем Никите, уже половины зубов не хватало. Может быть, будь Серега в роте, стало бы легче... А может быть, и нет. Удунов всегда доводит до драки. А какой смысл в драке, результат которой ясен с самого начала?

Врагов больше. Вся рота. Даже молодежь с других учебок как-то пристроилась, все привыкли, что Никита — ротный козел отпущения.

Он достал еще одну сигарету и прикурил от окурка. Солнце уже скрылось за лесом, но все еще слишком светло. Надо написать матери, уже месяц ничего не слал... А что писать? «Все нормально, служба скучная, в Волгограде много красивых девчат». Запечатывать конверты запрещено, вся почта читается в штабе полка. Местонахождение части — государственная тайна, все давали подписку.

На зубах скрипит пыль,

Это Черная Быль,

Это вовсе не сказка:

Че-ра-но-быль... —

негромко пропел Никита, подражая Ваньке Хвостенко.

Хороший, наверное, парень Хвостенко. Жаль только, что Никиту терпеть не может. Сидит сейчас с Алихановым и Толоконниковым, жрет самогонку под «дембельские грибочки», а завтра будет бить Никиту вместе с ними. Но поет хорошо. На гражданке Никита не понимал этой дурацкой романтики, когда под однообразный гитарный чес хриплым несчастным голосом коверкают слова: «Че-ра-но-быль...», а теперь вот проникся. Тут и не может быть другой музыки,

это как в тюрьме. Хотя спецбатальоны скорее охраняют тюрьму, Зону, но разница между узниками и тюремщиками всегда невелика. Где-то Никита это читал...

Забыл.

Со стороны второго блокпоста донеслась сухая трещотка «калашникова». Сержанты притихли на минуту, но продолжения не последовало. Кто-то

проверил оружие, расстрелял тень. Командование одобряет: не давать Зоне покоя! В сумерках начнет время от времени работать пулеметчик — в профилактических целях.

Никита вздохнул. Его взвод заступал на дежурство только послезавтра. Дежурство — почти отдых. Так, караулку помыть, и все. Лежи себе за

бруствером всю ночь, за себя и за всех подряд, смотри на звезды и думай о чем хочешь. На карантине как-то парнишка из Москвы, по прозвищу Кузнечик, сказал, что перед призывом записал все книги, которые прочел и которые понравились. Вернись, мол, перечту, чтобы восстановить доармейский интеллектуальный уровень. Никита тогда смеялся вместе со всеми над придурком, а теперь вот жалел, что сам таких списков не составил. Не только книг:фильмов, дисков. Пересмотреть бы все, переслушать и вычеркнуть из памяти этот кошмар... Забыть, как Алиханов его заставлял свой камуфляж два раза

перестирывать, как Хвостенко приучал вставать до подъема, чтобы его обувь в порядок привести, а потом дрался с Толоконниковым, который того же захотел, а потом... Никита даже застонал.

Нет, ничего не забыть.

— Может, я трус? Ну, Серега Удунов точно не трус, а толку-то? Пойти к командирам нельзя, хуже будет. А в санчасть — вообще смерть, замучат

опытами.

Зона рядом. Служба в спецбатальонах кончается на месяц раньше, еще как минимум четыре недели дембелей просвечивают в особом закрытом госпитале,

мучают анализами. Поговаривают прапорщики, что от этого «исследования» вреда больше, чем от самой службы. Тут-то радиации почти нет, изменение

естественного фона ничтожно. Хотя кто проверял? Офицеры-дозиметристы, что наезжают из штаба, с солдатами наблюдениями не делятся, да и с «боевыми»

коллегами, кажется, тоже.

— Вешку убрали или мутанты, или...

— Люди, — мрачно закончил Малек, обмахиваясь камуфляжным кепи. — И мы знаем, что это могли быть за люди. Мутанты уже напали бы, верно?

— Верно. Соображаешь. Мудрец. А люди?

Малек, как это часто бывало, не понял: иронизирует Сафик или нет. Проводник курил, привалившись боком к той самой березе, у которой

почувствовал след химеры.

— Ночевать тут не следует, — подал голос Ушастый. — Могли, кстати, и мутанты нагадить. Зомби. Или бюреры.

— Бюреры в лесу, днем? Да брось ты! — Малек сплюнул. — Люди это, чую. Самые страшные

твари в Зоне — это люди. Да откуда они вообще знали, что

это вешка?! Сафик, какая она была?

— Много будешь знать — скоро состаришься. И умрешь, — процедил проводник. — Это могли быть мутанты. Не важно, какие. Или люди. Все, кто имеет

пальцы. Те, кто знал, что это вешка. Но если засады нет, значит, нам просто хотели насолить. Предупредить о чем-то. Это люди, я уверен. Наверное,

видели, как мы шли туда.

Ушастый вздохнул, затушил сигарету и поднялся с тачки, на которой сидел. Далеко на востоке застучал крупнокалиберный пулемет, но никто из троих

не обратил на него внимания. Там Кордон, там солдатики резвятся. Пусть, в этой части Зоны на далекие выстрелы даже птицы не реагируют.

— Может, его убрать как-нибудь, с тропы-то? — Ушастый принялся освобождать мертвого Фреда от оружия.

— Ночью будет кому позаботиться, — нервно хихикнул Малек, — Костей не останется.

— Закопать можно, — не слишком решительно настаивал приятель. — Или вон в мясорубку.

— Ты, что ли, к мясорубке пойдешь? — фыркнул Сафик. — Закапывать бесполезно, ночью все равно отроют.

Вот что: моя следующая вешка ближе к шоссе, до нее слишком далеко. Кто нам маршрут обломал, потом разберемся, а пока... Надо выходить из леса к

оврагу.

— Далеко от Червя окажемся, — пробурчал Малек. — Хотя выбирать не приходится. Сафик, сколько тут до оврага?

— Километр или чуть меньше. Я пойду первым. Отвали-ка, я «дашку» проверю.

— Ладно, — с готовностью отошел Малек. — Мы твою долю того... Отложим!

Ушастый уже проверил карманы Фреда и теперь ощупывал швы.

Подошедший товарищ занялся шнуровкой высоких армейских ботинок. Не может быть, чтобы

Фред не заныкал куда-нибудь деньги или барахлишко особенное — все так делают.

— Он в самом деле англичанин?

— Да врал поди, — пожал плечами Ушастый. — Не дурак же, чтоб правду говорить. Хотя по-

английски шпарил будь здоров, как на родном. Чего там

Сафик? Время идет.

— Детектор проверяет.

— Какой у него?

— «ДА-2». К оврагу пойдём, он — первым.

— Понятно, что первым, — ухмыльнулся Ушастый. — Я ведь тоже стрельнуть могу, если не согласится. Дерьмо... Из-за него тут застряли. И «дашка» —

дерьмо.

— Червь жадничает, — вздохнул Малек, переходя ко второму ботинку. — Вроде пусто.

— А в носках кто будет смотреть? Пушкин? Червь-то, конечно, скотина, но Сафик о чем думал? Надо было нажать. У Пали научный детектор, слышал? С

ним мы бы почти железно вышли. А с «дашкой»... Влетит этот дурак в ту же мясорубку, а нам потом что? Монетку кидать?

— Вот, кстати: монетку не монетку, а я с болтом пойду! — горячился Малек, сдирая носок с холодеющей ноги Фреда. — Стемнело почти, блин... Ого...

денежки! Евро.

— Кидай в кучу, разберемся.

Ушастый, закончив свою часть работы, устало разогнулся. В невеликом богатстве, обнаруженном у мертвеца в карманах и тайниках, присутствовал,

конечно же, и тот самый болт. Ушастый поднял его, повертел в узловатых пальцах.

— Толку-то от твоего болта? — Он ловко подкинул привязанный к нитке болт, тот описал сияющий полукруг, Ушастый снова поймал его. — Болтов у

меня самого полные карманы. Но это же крайняк, что ты им нащупаешь, кроме комариной плешки? «ДА-2» получше будет. Я уж не спрашиваю, как ты

собираешься тачку катить.

— Да пропади они пропадом, эти тачки!

Во втором ботинке под стелькой Малек нашел маленькие золотые серьги. Заинтересовался, разглядывая.

— Кто-то носил ведь их, а, Ушастый? Жила здесь, может, еще до первой аварии, такая дивчина, носила сережки... А потом: бах! Унесла дивчина

ноженьки, забыла свои сереженьки. А Фред их где-нибудь в тумбочке отыскал.

— Знаю я эту тумбочку! — покосился Ушастый. — Он их у Хорса в очко выиграл. Дома, почитай, тысячу раз такие умники, как ты, обшарили, ничего

там давно нет.

— А мне Принс рассказывал, что зашел раз в один дом! — Быстро оглянувшись на занятого проверкой детектора аномалий Сафика, Малек достал еще

одну сигарету. — Вот, зашел, а там крыс видимо-невидимо. Он психанул и гранатой их!

— Во! — лениво удивился Ушастый.

— Ну! И там пол разметало, кладка рассыпалась, старое же все. И вот он увидел крысиную нору. И подумал: а посмотрю, чего там? Ну, дерьмо,

крысеныши, тряпки всякие, а Принс взял лопатку, у него с собой была, и порылся там.

— Тьфу!

— Да не «тьфу», а нашел там рыжья немало! Крысы, что находили блестящего, все туда стаскивали.

И обычные железки, и золото между ними!

— Брешет он тебе, дураку, отмахнулся Ушастый. — Крысы не сороки. Сафик! Ну, как? Темнеет.

— Какая разница? Сдуру и днем сгинешь, — буркнул проводник и постучал пальцем по барахлящему прибору. — Батарейка, что ли, садится? Ладно,

пошли. Аллах акбар!

Сафик аккуратно водрузил «ДА-2» на самый верх забитой оружием и экипировкой тачки, подхватил с земли карабины.

— А поделить наследство?! — вспомнил Малек. — Тут и денежка есть, Сафик!

— У Червя поделим, кто дойдет. Давай, не зевай!

Маленький караван двинулся дальше, теперь круто изменив направление... К востоку, к оврагу, туда, где кончается Проклятый Лес. До логова Червя,

конечно, далековато, и впереди у них опасная ночевка, за которой последует еще более опасный денек, но нет ничего хуже, чем остаться здесь на ночь.

В темноте появляются новые аномалии, движущиеся, да и ночные твари могут забрести, почуяв добычу. Им, детям Зоны, ничего не страшно.

Почти сразу «ДА» защелкал, предупреждая о наличии впереди сильной аномалии. Сафик выругался на незнакомом товарищам языке и взял левее.

Километр блуждания между аномалиями может превратиться и в три, и в десять, а солнце все ниже.

4

Никита потянулся, хрустнув суставами, и почувствовал, что камуфляж заметно отсырел. Почти стемнело. Он затоптал окурок, закинул на плечо косу и

пошел к сержантам. Алиханов уже спал, Хвостенко напевал что-то, прутиком переворачивая в костре картошку.

— Тебе кого, чума? — На Никиту обратил внимание только Толоконников. — Грибочки чернобыльские пришел у дедов тыздить?

— Темно. Косить больше нельзя, не видно ничего.

— Ну и иди тогда в жопу. В казарме скажи, что мы остались план перевыполнять... И это, косы чтобы в каптерку поставил, понял?

— Так точно.

— Завтра... — вдруг отвлекся от костра Хвостенко. — Завтра надо его к хохлам послать.

— Да ты сам хохол! — заржал пьяный Толоконников.

— Разговорчики, товарищ сержант! Самогон у них хороший, а этот — говно, только Али срубает. Слышь, Нефедов? Утром после развода идешь в парк,

там выбираешь инструмент какой-нибудь и чапаешь с ним к соседям. Чтобы вечером был тут с дозой. И не меньше трех литров, ты понял? У бабушки день

рождения.

— Да ты что?! — восхитился Толоконников. — А меня приглашаешь? А бабы будут?

— Баб ты приведешь, с Зоны. Для себя и Али. А потом... Ты чего стоишь-то, боец, не ясно что-то?

— Я... — Никита почесал в затылке, едва не раскrojив руку о косу. — Ваня, в парке мне ведь не дадут ничего.

— А у тебя там друган, Удунов-чмо. Вот пусть он тебя как друга выручит, — усмехнулся Хвостенко. — Меня чужие проблемы не волнуют, понимаешь?

Дедушке надо самогона. Дедушка сказал тебе, где железок взять на обмен. Не сможешь — ну забашляй налом хохлам или еще как.

— Жопу подставь! — снова заржал Толоконников.

Дедушка сказал тебе, где железок взять на обмен. Не сможешь — ну забашляй налом хохлам или еще как.

— Жопу подставь! — снова заржал Толоконников. — Там есть такой Кравец, большой, типа, спец!

— Слушаюсь.

Никита собрал косы и побрел к казарме. Час от часу не легче. Даже если удастся увести из парка у взвода техподдержки инструмент — а кто взял,

узнают, да сам же Хвостенко и сдаст, даже если Никита благополучно доберется до соседей — а украинский спецбатальон за болотцем, по которому

частенько постреливают со второй линии, — все равно украинцы ничего не дадут. Просто заберут инструмент и пнут на дорожку, вот и все. Если бы

Хвостенко сам пришел — другое дело, договорились бы. А посылать Никиту бесполезно, хохлы знают, что он в своем батальоне чмошит.

— Блин! — Никита почувствовал, как в душе у него закипает что-то нехорошее, опасное. — Блин! Блин!

Он решил никуда не идти. Скажет: забыл, заспал. Может, Хвостенко и сам не вспомнит. А бить будут все равно — не за самогон, так за покос. Зато

в парке не придется отдуваться, там за кражу инструмента действительно могут на четыре кости поставить. Кравец этот... Кравец, контрактник, вообще

зверь, был несколько раз у них, в гости приезжал. Животное, тварь дебилная. У соседей уже двое повесились по его милости.

На Никиту накатило. Он выронил косы, сел на корточки, обхватив голову, и завыл. Так дальше нельзя, нельзя... Деда собираются на дембель, от этого

совсем на службу положили, дурнее становятся день ото дня. И загонят однажды на то болотце, что Никита делает? Сами-то ездят через вторую линию, а

его загонят, и тогда придется узнать, кто там так громко чавкает и чем. Добро еще, если автомат позволят с собой взять. В части бытовала история про

малого, которого за какие-то грехи года три назад тогдашние дембеля связали и на болоте

ночью оставили. Утром там лежали ноги и верхняя часть

туловища, а всю середку будто бритвой выхватили. Сказки? Вряд ли. Востряков исчез уже на памяти Никиты, только берет нашли, а в берете — его рыжую

макушку. Пошел Востряков мимо болотца, прямо вдоль первой линии на украинский блокпост сигаретку стрельнуть — пьяный, конечно. Украинцы клялись, что

он не появился, а расстояния-то там было — метров триста. Хотя, конечно, могли, даже обязаны были открыть огонь на поражение, но где тогда тело?

— Зона... — прошипел Никита, глядя на запад, где как раз взлетела гроздь осветительных ракет, заработал пулеметчик. — Зона. Тут зона, там Зона.

Суки. Сколько же я еще выдержу?

Месяц назад неподалеку, в таком же спецбатальоне деды развели полный беспредел, и тогда двое зачмыренных ночью вернулись с блокпоста и устроили

пальбу в казарме. Часовые их положили, конечно, но около двух десятков, они успели кого убить, кого подранить. Это Хвостенко рассказывал, вернувшись

из штаба полка, еще головой качал: «Полный абзац там устроили, идиоты, все в крови». Да понимал ли он, дурак, как близко подошел к своему пределу

Никита Нефедов, которого сержант спьяну послал за самогоном к соседям?

Никита опять перекурил, немного успокоился. До утра все в порядке. Закинуть косы в каптерку, раздеться, умыться и спать, в казарме очереди с

блокпостов почти не слышны. Только бы там не пили, а то и ночь выйдет не в ночь, поднимут и заставят какие-нибудь стихи читать.

Но в казарме было тихо, все окна темные. На ступеньках негромко переговаривались о чем-то часовые.

— Нефедов идет! — заранее сообщил им Никита.

— Передвижение в темное время суток по территории спецбатальона категорически запрещено, караул имеет право на стрельбу без предупреждения, —

пробормотал один из часовых, щелкая затвором. Отлетел в сторону и запрыгал по бетонным ступеням прежде досланный патрон. — Молись, сука.

— Да хорош, а то еще обоссется... — Его товарищ отодвинулся. — Иди, Нефедов, отдыхай. Если дадут.

— А что такое? — спросил Никита, осторожно протискиваясь между часовыми с охапкой кос в руках.

— Да в парке сегодня большие разборки кипели... — Часовой кивнул на территорию «техподдержки», огороженную забором. — Этот, молодой, что-то

вытворил. Выстрелил в кого-то, что ли. Или хотел... Нам не слышно было.

— А я тут при чем?

— Да приходили, спрашивали тебя... Ну иди в роту, не толкись тут с косами.

Недоумевая, Никита разыскал спавшего в уголке дневального, который открыл каптерку. Избавившись от инструмента, Нефедов тихо разделся в

темноте, в трусах отправился в умывальник. Через приоткрытое светомаскировкой окно Никита услышал, как от парка к казарме шагают несколько человек,

о чем-то возбужденно переговариваясь.

«Влип Серега Удунов, — понял он. — Сильно влип. В самом деле сорвался?.. Нет, выстрелов-то я не слышал, да и тревогу объявили бы по батальону».

Наскоро умывшись, Никита погасил свет и отодвинул шторку. С этой стороны стоял «офицерский домик», трехэтажное здание. Тишина, только в дежурке

горит огонек. Спят господа офицеры, никто их не потревожил. Значит, все еще не так плохо.

Дверь в умывальник распахнулась, вошли трое дедов из взвода «техподдержки», за ними недовольно позевывающий дежурный по роте.

— Ты что в трусах, чмо?! — тут же зашипел на него один из «техников». — Бегом одеваться, через секунду чтобы был готов!

— А что случилось-то?

— Бегом!

Под градом пинков Никита пошел к двери, где его прихватил за локоть дежурный.

— Чтобы к разводу был тут, понял?

— А куда меня?

— Да меня не волнует, куда, по чтобы к утреннему разводу был на месте! Или пасть порву лично, понял?!

Дежурный толкнул его в темный коридор. Никита, скалясь от ярости, добрался до своего табурета, оделся опять. В коридоре негромко

переговаривались, вроде бы дежурный просил о чем-то «техников», а те огрызались. Что же с Серегой Удуновым?

Часовые стояли посередине между казармой и парком, о чем-то шептались с тамошней ночной сменой. Никита, конвоируемый дедами, пересек посыпанную

песком площадку, не задавая вопросов, это явно было бесполезно. Но страх, исходящий от «техников», он чувствовал очень хорошо. Что-то случилось.

Ушастому досталось на самом краю леса, уже возле оврага.

Как его угораздило — никто и не понял. Сафик, весь мокрый, прошел по этому самому

месту, потом прокатил свою тачку Малек, стараясь двигаться по следу, а вот Ушастый вдруг закричал. Туман — та еще дрянь. Кислота осела на одежде,

лице, руках, от бедняги так и повалил дым.

— Тащи! — Сафик с силой воткнул опору тачки в глинистый грунт и кинулся назад. — За ноги, сапоги в порядке у него!

Но Малек, прежде чем вытянуть орущего товарища, сорвал с головы кепи и схватил сапог уже через него. Мало ли что — может, кислота не всегда

дымится? Спасенный Ушастый верещал как резаный, держа обожженные пальцы перед часто моргающими глазами, но не тер, соображал немного.

— Не вставай! — рычал Сафик. — Лежи, вверх смотри, вверх!

Малек отстегнул от пояса флагу с водой полил на глаза Ушастому, потом уж ополоснул, как мог, все лицо. Сафик занялся руками пострадавшего, так

и поливали его из трех фляг — у самого Ушастого такая тоже, конечно, имелась — едва ли не четверть часа. Солнце совсем зайти успело, а Ушастый все

оклематься не мог.

— Братцы, да как же так? — морщась от боли в обожженных губах, спрашивал он. — Ну как же? Ведь врезало сразу, я же ни отскочить, ни

почувствовать ничего не успел! Так же не бывает!

— В Проклятом Лесу все бывает, — бормотал Малек. — Слышь, Сафик, тачку его я выкачу, но она ж в кислоте, и товар тоже. Куда мы с ней? И Ушастый

не помощник, ему бы зрение сберечь!

— А, плевать!

Сафик перевернул тачку Малька, содержимое грудой вывалилось на хвойную подстилку.

— Вот, аптечки тут есть... Это в глаза закапай, а из тюбика пусть разотрет везде сам.

Пока Малек вертел в руках медикаменты, удивляясь, с какой смелостью Сафик тратит принадлежащее Червю, проводник с размаха вонзил в бедро

Ушастого шприц.

— Это чего? — подозрительно спросил Ушастый.

— Антишок какой-то армейский, не все равно тебе? Малек, тачкой займись! Рукояти облей, хоть водкой, не важно, а с товаром пусть Червь

разбирается. Может, что и повредилось.

— Знаю я, как Червь разбирается... — заворчал Малек, но порученное выполнил.

— Пять минут тебе на отдых! — Сафик прикурил две сигареты и поделился с Ушастым. Потом встанешь и покатишь дальше.

— До моста, ночью? — Ушастый жадно затыкнулся, продолжая втирать в щеки мазь. Ух, и прижгло же меня, ух и прижгло... Даже в горле чувствую, до

легких доползло! Опасно до моста. А на мосту еще опаснее, с этой жаркой дурной.

— Не бойся, не поведу вас на мост ночью. Там местечко есть, где лес не к самому оврагу подходит. Там встанем, будем дежурить... — Сафик принялся

забрасывать обратно в тачку вываленное добро. — Оружия много. Огня разводить не станем, возьмем прибор ночного видения, тут есть в грузе.

Продержимся. Нам везет, Ушастый. От химеры отбились, через лес без вешек прошли.

— Плохо тут ночью.

— Так мы не в лесу будем, баранья башка! Между лесом и оврагом. Переночуем. Ты хорошо видишь?

Ушастый поморгал опухшими веками.

Переночуем. Ты хорошо видишь?

Ушастый поморгал опухшими веками.

— Вроде да. Только левый глаз словно в пелене... Я сразу зажмурился, как долбануло меня туманом, но разве успеешь? Ведь не бывает так, Сафик!

— Чего в Зоне не бывает? — мрачно ухмыльнулся проводник. — Все бывает. Малек! Дай ему выпить, и пошли.

— Не надо! — Антишок действовал неплохо, Ушастый поднялся, — Не надо, как до места доберемся — выпью.

Они выкатили тачки на край оврага и потащились вдоль него к юго-востоку. Внизу раздавалось подозрительное шуршание, но Сафик, уже нацепивший

ПНВ, успокаивающе махнул товарищам рукой.

Сергея Удунов лежал чуть в стороне от ворот, за «КамАЗом». Возле него нервно курили человек пятнадцать, негромко переговаривались. Никиту

сильным толчком меж лопаток втокнули в середину круга. Тут, почему-то со стаканом чая в руках, на корточках сидел над трупом Миша Ачикян.

— Привели? Хорошо... — Ачикян отхлебнул из стакана, сморщился. — Ну что, братишка, видишь друга своего?

— Что с ним? — глухо спросил Никита.

— Да падлой он оказался... Перестрелять нас хотел, за автомат схватился. Нас, товарищей своих. Слышь, козел? — Миша толкнул в колено одного из

техников. — Разгони тут всех, не в цирке.

— Я те не козел, понял? — пьяно захрипел «техник».

— А я тебе повторяю: ты, козел, все это устроил! И козлом останешься, только про это завтра еще поговорим. Убери всех!

Ачикян сверкнул глазами, и дед сник, отступился, начал расталкивать сослуживцев. Вскоре рядом с Никитой, осторожно присевшим рядом с мертвецом,

остались только сам Ачикян, да еще трое-четверо техников из старослужащих курили в стороне.

— В общем, слушай, — тихо сказал Ачикян, прихлебывая чай. Или чифирь? — Как бы там ни было, а довел твоего дружка вот тот козел. И он ответит

еще, я тебе обещаю... Не важно сейчас, что он сделал. Мудунов... Удунов его фамилия была, да? Удунов в оружейку вломился, хорошо еще пацаны заметили. В

общем, пока крутили... Нехорошо вышло. Мы разберемся, я обещаю тебе, братишка.

Миша Ачикян, первый рукопашник спецбатальона, похлопал Никиту по плечу. Смотрел с симпатией, честно, в глаза. И Никита вдруг почувствовал

страшное желание не то чтобы убить его, а просто разорвать на части. Ведь все это ложь, и сочувствие — тоже ложь, а Никита ему зачем-то очень нужен.

— У нас потери не редкость. Зона слабых не любит, на фронте служим... Еще не хватало нам следователей сюда. Короче, так: Удунова надо убрать.

Туда, за кордон. Ты нам в этом помоги. А мы здесь разберемся со всеми козлами, это я тебе обещаю, понял?

— Почему я? — сглотнув, спросил Никита.

— Ты же его друг? Вы же вместе приехали, трепались всегда, да? Ну вот... Твоя обязанность. Мы сейчас на «КамАЗе» подскочим на третий блокпост,

заявку уже организуют ребята. То да се... А ты возьмешь Удунова и с ним пойдешь по канавке, помнишь ведь, канавка там есть? Не бойся, стрелять никто

не будет, я сам прослежу.

Все же свои, понимаешь? Лейтеха, что на посту, в курсе будет, и прапор его тоже. Далеко тащить не нужно, только за линию.

Утром его обнаружат и вытащат кошкой или спецназ вызовут. Актируют, обычное дело. Понял?

— Я понял. Я не понял, почему я должен Серегу туда тащить. Почему не...

— Ты слушай лучше, братишка! — крепкие пальцы Ачикяна больно сжали плечо. — Я тебе доверяю. У тебя проблемы в роте есть? Приходи, спроси Мишу.

Я лично пасть порву любому, кто тебя тронет, не посмотрю, какие там деды. Вообще тебя в «техподдержку» заберу, нам теперь человек нужен... Шноров,

капитан наш, поможет. Но сейчас прояви себя мужиком. Сам видишь — если еще немного времени протянем, кто-то стукнет, кто-то заметит, и тогда тут все

на уши встанут. Ты думаешь, тебе тогда хорошо будет?

— Я хочу спросить, почему...

— Ты думаешь, тебе хорошо будет?! — Ачикян подтянул Никиту к себе, заглянул в глаза. — Думаешь?

— Нет...

— Так делай, что говорят!

Он оттолкнул Нефедова, и тот с размаху сел на землю. Под руку попало что-то влажное, и Никита не сразу понял, что это кровь Удунова.

«Труссы... — вдруг понял Никита. — Вы все боитесь выйти за кордон, да еще ночью. Боитесь увидеть перед собой одну из этих тварей... И следователей

боитесь. А я вышел крайним на всю роту».

Только теперь Никите стало по-настоящему страшно. За кордон, в Зону... А если все это вранье, если пулеметчик поступит по инструкции и срежет

дурака, как только он попробует вернуться? Лейтенант в курсе... Что же, получается, офицер убийц покрывает? Впрочем, это предположение не показалось

Никите таким уж странным. Зона ожесточает, кордон — это фронт, и те, кто держат его, должны верить друг другу. Лейтенант не будет ссориться с

дедами. Ведь его тело тоже могут однажды оттащить за кордон... Или выкинуть из машины во время очередного прорыва.

За время недолгой службы Нефедова прорывов на участке спецбатальона не случилось. Но вот у украинцев было, один блокпост poleg почти целиком, а

всем остальным пришлось уходить ко второй линии, бросив и казармы, и все хозяйство. Утром их участок артиллерия обрабатывала несколько часов, потом

кружили украинские, российские, немецкие вертолеты, били ракетами. Наконец, прошли какие-то профессиональные команды головорезов, и только после

этого батальон вернулся. Территория в воронках, здания до сих пор ремонтируют, а раз в неделю приезжают медики, химики и вся эта шваль, занимающаяся

обеззараживанием.

Каждый офицер знает, что прорывы время от времени случаются, ничего не поделаешь. И в такие моменты иметь за своей спиной обиженного — не то

что смертельно опасно, а верная смерть. Точнее, почти верная, ведь выжил же у соседей Кравец, в которого кто-то из своих же три пули вlepил. Но то

Кравец, животные — они живучие.

— Офигеть, пацан! — перед задумавшимся, будто даже задремавшим Никитой появилась пара ботинок. — Ну ты попал! На Зону поползешь, к уродам! Они

тебя куснут, и ты сам...

Ачикян аккуратно поставил стакан на землю, встал и ударил один раз. Пьяный дед повалился, согнувшись, захрипел.

— Ну ты чего, Миша! — шагнул кто-то из темноты.

— Ну ты чего, Миша! — шагнул кто-то из темноты.

— Молчать, падлы! Совсем обожрались! Попалить все хотите? До истерики вот этого, — Ачикян чуть пнул Никиту в бок, — довести хотите?! Давай! А я

вообще уйду! Я Удунова не трогал, я его не убивал, понятно? А когда на губе нас вэвэшники за яйца подвешат, я им обо всех спою, честно. И Дружинина

вам припомню, и двух сверхсрочников, которых...

— Миша, Миша... — забормотали сразу несколько человек. — Ну успокойся, ну чего ты завелся? Сейчас все устроим.

— Я устраиваю. — Ачикян снова опустился на корточки. — Не вы. Я и вот он. Как тебя зовут?

— Никита.

— Не дрейфь, Никита! Все будет чики-пуки. В спецбатальонах надо друг друга выручать, понял? Я бы сам с тобой туда ходил, но кто-то должен

прикрывать. Не они же, понимаешь? Вот так. Где заявка, мать вашу?

— Вон, бегут...

Никиту трясла крупная дрожь. Лучше бы в болото. Лучше за самогоном к Кравцу. Те, кто не служил в спецбатальонах, не видел лезущих через линию

кордона уродов, не стрелял в их безумные глаза, не поймут ужаса, который вселяет Зона. К ней привыкаешь, но она рядом — и ужас рядом тоже.

«Техники» хотели было заставить Никиту и тело грузить в «КамАЗ», но Ачикян снова прикрикнул, снова кого-то ударил. Похоже, он один был трезвый.

Никиту Миша посадил с собой, в кабине. Машина пошла тихо, словно крадучись. У шлагбаума прапорщик, рассмотрев заявку, осветил фонариком в кабину.

— А этот чего тут?

— Поменять там кого-то нужно, взял с собой. Не пешком же ему?

— Почему пешком? Отдельная заявка, по их взводу... Непорядок, — сморщился прапорщик.

— Степаныч, не буди во мне зверя, — попросил Ачикян. — Я доброе дело делаю, между прочим.

— Ага, мать Тереза наших дней — это Миша Ачикян! — хохотнул дежурный по КПП.

Прапорщик вернул заявку и поднял шлагбаум. До третьего блокпоста километра два, даже учитывая разбитую дорогу и неторопливую, уставную езду

Миши — минут десять, не больше. Надо было о чем-то подумать, что-то решить, пока есть время, но Никита ни на чем не мог сосредоточиться. В голову

лезли то Хвостенко со своим самогоном, то Кравец с рожей дегенерата, то лейтенант, который согласился рискнуть своим бойцом, чтобы покрыть убийство

другого бойца... А в кузове лежал мертвый Серега Удунов. Его сорвало, его достала Зона. Сколько еще ждать Никите, сколько он выдержит? Все говорили,

что после прибытия следующей партии из учебок станет легче. Никита в это не верил. Однажды, после очередного избиения — в умывальнике ли, за баней

ли, в овощерезке, — однажды он все решит и сам превратится в зомби, такого же, как те, на Зоне. Только он будет терпелив, дождется смены, получит

оружие и там, на блокпосту...

— Автомат, — вдруг сказал Никита.

— Что? — не понял Ачикян. — Чей?

— Я не пойду на Зону без оружия.

Никита смотрел прямо в глаза Ачикяну. Тот, сперва недобро прищурившись, усмехнулся.

— Ладно, это законно, братишка. Уважаю. Я тебя переведу к нам, мы с тобой еще всех этих козлов ответить заставим... Мой возьми.

Никита поднял голову. «Калашник» Ачикяна висел в креплениях на потолке кабины. Пристегнуты два рожка, смотанные изолентой.

— Нож бы.

— Зачем? — Ачикян фыркнул, покачал головой. — Я и с собой не беру, потерял давно. С этими тварями ножом не справиться. Только их там сейчас

нет, понял, братишка? Ты же помнишь ту канавку. Поползешь по ней, протащишь Му... Удунова. Оставишь там, а сам — назад. Голову не поднимай, потому что

если будет какое-то движение, то наши тебя прикроют. Просто не высывайся, не поймай шальную пулю. Тебе вообще-то и автомат только помешает.

— Без оружия не пойду, — повторил Никита.

Ачикян только кивнул.

Вскоре фары высветили караулку, на дощатой стене едва виднелась цифра 3. Прикрываясь беретом от света фар, подошел лейтенант. На Никиту он

старался не смотреть.

— Где?

— В кузове. Извини, Володя, так вышло. Я обещаю разобраться.

— Беспредел начинаете? — хмуро спросил лейтенант. — И что потом? Пол казармы трупов? Тебя бы вот свозить куда-нибудь по случаю очередного

расстрела дедов, чтобы ты сам посмотрел, как это бывает.

— Я здесь при чем, Володя?! Клянусь, только замазывать помогаю! Нервная у нас служба, Зона светит днем и ночью, калечит людей...

— Пить надо меньше. Поехали.

Лейтенант вскочил на подножку, «КамАЗ» на малом ходу потащился по территории блокпоста. Попалась парочка сонных солдат, офицер с досадой махнул

им: убирайтесь! Доехав почти до самого брусстера, машина остановилась. Подошел, зевая, сержант:

— Что случилось?

— Ничего, Пятов. Всем стоять по номерам, огонь без моей команды не открывать. Никому, что бы ни случилось, понял? Доведи до всех. Ну... —

Лейтенант впервые посмотрел на Никиту. — С богом. Если что, я в пулеметном гнезде.

Ачикян помог Никите достать из кузова неожиданно тяжелое тело Удунова. Серега уже совершенно остыл и перестал быть собой. Теперь — просто тело.

Труп.

— Дембель божий, — буркнул Ачикян, залез в кузов и выбросил наружу брезентовый ремень. — Прихвати его под мышками, и потуже: не задохнется уже.

Тебе удобнее будет его за собой тянуть.

— Сейчас, только «калашник» достану.

— Осторожнее, он на взводе!

Мог и не предупреждать, Никита внимательно рассмотрел оружие. Отсоединил магазин, передернул затвор, чтобы проверить, как он ходит. Упавший в

грязь патрон отыскал, загнал обратно: пригодится. Он уже знал почему-то, что пригодится.

— Да не бойся, говорю же! Я когда молодой был, наши деды спьяну на спор туда ходили, прямо вот тут. — Ачикян подошел к свободному гнезду,

приподнялся над бруствером из мешков с песком и бетонных блоков. Хлопнула ракетница, и вскоре пространство перед блокпостом оказалось освещено. —

Тихо все. Отлично, братишка, везет тебе.

Отлично, братишка, везет тебе. Туда-обратно, красота!

— Пойдем вместе. Быстрее управимся.

Ачикян медленно обернулся, и по его сжавшимся кулакам Никита понял, что за эти слова ему предстоит ответить по возвращении. Что бы Миша Ачикян

ни плел сейчас своему «братишке».

— Привязал? На «три» поднимаем. Раз, два...

7

Здание некогда стояло на окраине поселка, но от поселка после катастрофы, с которой началось истинное пробуждение Зоны, остались лишь руины.

Зато трехэтажный кирпичный частный дом приобрел новый статус: тут поселился Червь. Теперь строение лишь снаружи выглядело полуразрушенным.

Вертолеты коалиции бьют на поражение, едва завидев дымок. Считается, что людей в Зоне нет, они просто не могут там выжить. Еще бы: ведь даже

армии великих держав не в силах справиться с вырвавшимися из нутра законсервированной ЧАЭС силами, куда уж одиночкам! Хотя в штабах не могли не

знать, что в Зоне есть обитатели. Не могли не знать, что некоторые из этих обитателей недурно устроились и имеют регулярные связи с внешним миром.

Не могли не знать, потому что порой сами помогали им выжить.

Но пилотов раздражать не стоит. Не проходило недели, чтобы Червь не обошел вокруг своей резиденции, не прошелся по необитаемому третьему этажу,

не выбрался на крышу, заросшую кустами, чтобы проверить: точно ли дом выглядит с воздуха брошенным? Получить ракету в окошко не хотелось, а здесь,

на самом краю Зоны, вертолеты появлялись часто.

Второй этаж, хоть его окна и зияли темными дырами, был вполне обитаем. Здесь почти каждую ночь ютились три-четыре постояльца из тех, кто мог

принести Червю некоторую пользу, но уважения не заслуживал. Дотла сожженные Зоной, не помнящие себя обрубки, или попросту бомжи. Грязные люди спали

в кучах тряпья, не смея развести огонь даже в глухих комнатах: Червь запретил, а наказание за ослушание только одно — смерть. Иногда быстрая, иногда

не очень. За постояльцами приглядывал Дурень, здоровый одноглазый парень, умом и правда не отличавшийся. Дурень приносил снизу еду — теплую баланду,

приготовленную из объедков Кларой, старой подругой Червя.

Первый этаж хозяин отвел под склад. Мешки с продуктами, снаряжением, боеприпасами — все это, многократно пересчитанное, хранилось в кажущемся

беспорядке. Тут же ночевали, заодно охраняя имущество, «постоянные сотрудники» Червя. Только ночевали: кормила их Клара в главном помещении, в

подвале.

С тех пор, как в доме обосновался Червь, подвал постоянно рос. Поговаривали, что поначалу он и сам орудовал лопатой, ведрами выносил грунт. Так

или иначе, а под землей постепенно вырос целый лабиринт ходов, поддерживаемых сваями, разобраться в котором, кроме Червя, никто не мог. Что

хранилось в самых дальних, снабженных стальными дверями помещениях, не знал никто, так же как никто не знал, сколько из подземелья выходов. Ничего

не поделаешь: люди на Зоне сменяются быстро, если только не сидят в хорошо оборудованном бункере, как Червь.

— Клара, наверху сегодня трое, — прохрипел Дурень, спускаясь по узкой лесенке. — Еще какой-то хмырь приперся на ночь глядя, старый. Не видел

раньше.

— А чего пустил? — уперла руки в бока Клара, дебелая женщина лет пятидесяти. — Ты тут приют для голодных мутантов скоро устроишь! Бюреров еще

пригласи!

— Червь сказал:пусти, — развел руками Дурень.

— Ты тут приют для голодных мутантов скоро устроишь! Бюреров еще

пригласи!

— Червь сказал:пусти, — развел руками Дурень. — Он хозяин. Так что троих кормить надо.

— Ничего не знаю! Вот, варила на двоих — пускай делятся!

Дурень покорно принял жестянку и, перебирая пальцами по ее горячим бокам, поволок пищу постояльцам. Чтобы не обжечь ладони, решил все же

прихватить посудину полой рваного пальто, но, поднявшись по лестнице, поставил баланду на пол.

— Горячо, блин.

— Воняет-то! — покачал головой толстый Хорс. Они на пару с Факером присели на ящики с крупой перекурить после ужина. — Жрут бомжи, как

поросята, а не толстеют. Почему так, Дурень?

— Не знаю.

Дурень тоже решил посидеть с ребятами, никуда бомжи приبلудные не денутся, подождут. Он похлопал себя по карманам, но сигарет не обнаружил.

— Угости, Хорс!

— Отдашь две, — тут же согласился толстяк. — Червь на курево цену поднял, слышал?

— Не слышал... вздохнул Дурень. — А чего так?

— Груз с сигаретами упал на Чертовом Поле, какой-то идиот его туда забросил. Кто в Чертово Поле пойдет? Только бомжей твоих гнать, да ведь они

сгинут наверняка. А с прошлым грузом что случилось? К Мачо на территорию угодил.

— Мачо — ублюдок! — скривился Дурень.

Единственный глаз засверкал ненавистью. У Дурня был один хороший друг — Сосо, или Контуженый, как еще называли этого проводника. Четыре дня

назад Мачо не только не отдал чужой груз, но еще и убил трех из четверых посланных искать потерю. Сосо получил пулю в голову, но все же приполз

назад, только чтобы рассказать о случившемся и умереть.

— Мачо — ублюдок, во новости какие! — захихикал Хорс, толкнув локтем в бок Факера. — Слышал, брат?

— Слышал.

Факер через пустой дверной проем наблюдал за Червем, уже битый час торчавшим перед домом. Хозяин смотрел куда-то на запад и заметно нервничал.

— Кто за грузом пошел? — спросил Факер.

— Сафик, Ушастый, Малек, — перечислил Хорс. — И еще этот, новенький, Фред. А что, не вернулись пока?

— Нет.

— Упокой господи их душу, коли что, — перекрестился толстяк. — Все там будем.

— Типун тебе на язык! — рассердился Факер. Каждый раз, как он злился, возвращался давно стершийся акцент. — Нас тут осталось семеро стрелков,

считая Червя! А у Мачо сколько?

— Откуда я знаю? — Хорс машинально проверил открытую кобуру. — Не сунется же он сюда.

— А почему? Сейчас-то поздно, да и дождь начинается, а вот как рассветет... — Факер постучал носком сапога по ящикам. — Вот тут крупа,

фасованная. Но рядом-то — гранаты. А вот в тех — выстрелы для «аэропиявки». Представляешь, что будет, если сюда один такой же выстрел прилетит? Наши

куски до ЧАЭС долетят.

— И тебе типун на язык... — нахмурился Хорс. — Червь, наверное, не дурак. Да и Мачо не псих же? Он и так неплохо имеет. Может, они просто не

успели прийти и заночевали где-нибудь?

Факер только посмотрел на Хорса и покачал головой.

Действительно: что значит «не успели»? Группа не вернулась, значит, случилось что-то непредвиденное. А непредвиденное в Зоне чаще всего

означает смерть.

— Пойду я! — Дурень затушил окурок и припрятал в карман. — Бомжей кормить, пока не остыло.

— Ага, пускай полакомятся, болезные! — вяло пошутил Хорс.

Настроение у толстяка сильно испортилось. Червь, изрядно промокнув, наконец вернулся в дом. Вернулся злой: огромные кулачищи сжаты, лысина

побагровела.

— Сейчас наружка вернется, пусть сразу жрут — и спать! Вы двое остаетесь здесь, с Дурнем вместе. Если кто-нибудь появится, сразу стучите мне!

Люк закрою, дело у меня. В дом до моего приказа не пускать никого.

— Да ясно, ночь же, — сразу закивал Хорс.

— Хозяин, нам бы курева. В долг, — глядя в сторону, протянул Факер. — И выпить чего-нибудь, прохладно.

— Что? — даже пошатнулся от такой наглости Червь. — Какое «в долг»? Офонарел?!

— Я говорю: прохладно, — упрямо повторил Факер. — Сыро. Вообще времена тяжелые, семь стрелков осталось. Нам болеть нельзя.

Червь перевел тяжелый взгляд на Хорса, но тот лишь пожал плечами, постаравшись даже улыбнуться. Мол, ничего такого не подумай, хозяин, просто

действительно сыро... Яростно пыхтя, Червь прошел мимо них и загромыхал по лестнице. Через минуту снова высунулся из люка, чтобы поставить на пол

бутылку горилки и швырнуть две пачки дешевых российских сигарет.

— Держите, подонки! При первом расчете вычту с процентами!

— Спасибо, хозяин! — приподнял шляпу Хорс.

— До расчета еще дожить надо, — хмыкнул Факер, сразу открывая бутылку. — А помирать трезвым я не желаю. Хорс, тут две трети мои, ты понял?

— Понял, понял, — кивнул толстяк. — Только прикончит-то он нас обоих.

— Пусть сперва других людей найдет.

Дождь лил все сильнее, от двери потянуло сыростью. Хорс вышел наружу, держа руку на кобуре с крупнокалиберным револьвером, быстро отыскал в

лопухах еще две бутылки, сверток с закуской и вернулся.

— Ну, с добавкой от Червя вахту простоим! — хихикнул он.

— Простойм! — согласился чуть повеселевший Факер, отрывая бутылку от бледных губ. — Только за ящик спрячь, не хочу я кровным с Дурнем делиться.

Черт, да знал ли я, отправляясь в эти долбаные края, что мне тут за каждую каплю выпивки платить втридорога придется, а?! Ни за что бы не поехал.

— Чего теперь говорить, — вздохнул Хорс.

Толстяк пристроил на коленях верный дробовик и принял ровно на две трети опустевшую бутылку от партнера. Факер, в свою очередь, вытянул из-за

спины автомат, нацелил на дверь.

«А по мне, главное калибр, — подумал Хорс. — Скорострельность с этими тварями ничего не дает, уж больно быстрые... Тут уж попал или не попал».

— Давай о бабах поговорим, — предложил Факер. Впрочем, он всегда это предлагал. — Вот помню, в Брайтоне... Ты только не путай с этим вашим

уродским Брайтон-Бич, Брайтон — совершенно другое. Так вот...

Дождь шел все сильнее. Хорс слышал, как бомжи этажом выше перетаскивают матрасы, спасая их от льющихся с потолка струй. Он понимал, что сегодня

никто уже не вернется. Хуже всего, если погиб Сафик — проводник тогда у Червя останется только один. А без проводников что за бизнес?

8

Они вскинули тело на бруствер. Канавка начиналась метрах в пяти перед кордоном, некогда она шла вдоль дороги. Асфальт давно растрескался и зарос

травой, дороги не стало, а вот канава почему-то осталась. В дождливую погоду в ней собиралась вода, но сейчас земля была почти сухой. Достаточно

глубокая и широкая канава, чтобы незаметно проползти на ту сторону... Никита знал, что прямо на эту ложбинку, по прямой уходящую к Зоне, пристрелян

пулемет на вышке — это место считалось опасным. Если захотят достать, им и целиться не придется, только повести стволом...

— Давай! — Ачикян хлопнул Никиту по плечу и даже подсадил немного. — Удачи, братишка! За линию его, и назад! Только из канавы не вылезай, если

что — будем сносить все, что торчит, а тебя не зацепим.

Никита перевалился через бруствер, пробежал несколько шагов и потянул за собой тело Удунова. Это оказалось не так уж легко, Никита приближался

к канаве медленно, рывками. А надо быстрее, только там можно спрятаться от страшных глаз, глядящих с обеих сторон...

«Если некрупный кабан побежит прямо по канавке, они его не достанут, и мне конец... Или слепой пес... — подумал Никита, опускаясь наконец в густую

траву. — Скольких еще тварей я не знаю? Может быть, меня укусит какая-нибудь ядовитая пиявка и я сдохну через неделю. Ну и пусть».

Он слышал, как на бруствере перекликались Ачикян и лейтенант. О чем? Не важно. Никита проползал, насколько позволял ремень, потом, хрипя от

натуги, подтягивал мертвеца. Это оказалось еще тяжелее делать лежа, не поднимая головы, и, одолев примерно половину расстояния до линии, он решил

сделать передышку. Ярко вспыхнула очередная ракета, и Никита не удержался, все же приподнял голову, чтобы посмотреть на кордон с этой стороны. Со

стороны Зоны.

Длинные линии брустверов убегали в обе стороны, их прерывали бетонные стены, тянущиеся от блокпоста до блокпоста. За стенами минные поля,

пространство и перед ними, и позади простреливается с вышек. Это первая линия обороны человечества от Зоны. Там, позади, есть вторая, куда более

мощная. Там артиллерия, готовая превратить всю эту землю в пылающий ад — если потребуется.

«Тут и без того ад, — подумалось Никите. Он запрокинул голову и, пока ракета не погасла, оглядел, насколько позволяла трава, канаву. Пока все

было хорошо. — Мой ад. Удунов вырвался, а я? Вот так же однажды не выдержу. И не важно, сразу меня убьют или сперва я прикончу полвзвода. Конец

один. Может, застрелиться?»

Никита пополз быстрее, чтобы избавиться от дурацких мыслей

Он оказался слишком слаб для Зоны. Она давит, «светит». Черная быль. И все сходят с

ума. Кто, как Кравец, кто как Ачикян, все равно. А кто-то, как Никита: превращается в

загнанного зверька, у которого только одна дорога к смерти.

Прямая, как эта канава. Почему так получается, что нельзя ни пожаловаться, ни сбежать?.. Никита не мог ответить себе на этот вопрос, горло сжалось в

комок.

— Вперед!

Он полз, обдирая кожу о ремень. Жаловаться... Кому?! Ворваться в штаб и упасть в ноги командиру? Он сплавит в части второй линии, а там... Там уже

будут знать, кто к ним едет. Слышал Никита такие истории. А сбежать — как? Вторая линия не только Зону стережет, но и их, защитников первой линии.

Для тех, кто сзади, спецбатальоны — уже часть Зоны. Они тоже стреляют без предупреждения.

— Сумасшествие, сумасшествие... — шептал Никита и полз, полз, пока окончательно не выдохся.

Еще одна ракета. От поста что-то кричат, но Никита не желал вслушиваться. До линии осталось метров двадцать, здесь уже пахло горелым. Выжженная

полоса. На занятиях в учебке объясняли, что кабаны и другие животные со временем привыкли к этой полоске мертвой земли, «линии», и перестали

заходить за нее в поисках пищи, поэтому ее необходимо все время обновлять. В спецбатальоне сказали: чепуха. Тем, кто приходит из Зоны, плевать на

линию, кем бы они ни были. И все же раз в неделю вертолеты проходят вдоль кордона, жгут из огнеметов усталую землю.

— Как ты там, Серега? — спросил Никита, чтобы услышать хоть свой голос в наступившей тишине, и вдруг испугался, что Удунов ответит. В Зоне

всякое случается. А они уже в Зоне, что для Зоны какая-то человеческая линия? — Молчи, молчи, скоро все кончится. Я уйду, а ты останешься. Или я

тоже не уйду...

Говоря это, Никита имел в виду: меня могут убить, как только я дотащу тебя. Убить, чтобы избавиться от свидетеля, или по ошибке, или от страха,

как угодно. Убить, чтобы провести ночь спокойно, а днем, под хорошим прикрытием, забрать сразу два тела. Или нет? Или его прикроют, а Миша Ачикян

отведет в парк и накормит-напоит? Потом Ачикян разберется со своими «козлами», а Хвостенко, узнав, куда ходил Никита, перестанет его донимать и

когда-нибудь они споют вместе «Че-ра-но-быль...»?

— Ерунда... — Никита сам не заметил, как заплакал. — Ерунда. Они психи. И я псих. И офицеры тоже, капитан весь седой. Он пережил три прорыва, он

ненормальный. Зачем ему эти «год за три»? Он убил кого-то, Хвостенко рассказывал, вот его и не повышают. Кого-то вроде меня... Ачикян все врет...

Безумие накатывало. Пытаясь не позволить ему накрыть себя с головой, Никита, не переставая плакать, пополз еще немного. Вот и линия. Гарь,

твердая земля.

Снова сверху повисла ракета. Она была глазом оттуда, из-за кордона. Спецбатальон интересовался: выполнил ли приказ рядовой Нефедов? Чмо,

которое пинком послали выволочь из расположения тело приятеля. Чтобы никто из солдат не попал под суд, чтобы комбат не устроил офицерам головомойку.

Разве комбат в ответе за солдата, которому вздумалось прогуляться за линию? ЧП, конечно, но не более того. И комбат, и комполка, и даже те, кто

прислал их сюда, — все они ненормальные. Всем им кажется, что Зону остановили. А на самом деле кошмар наступает.

Всем им кажется, что Зону остановили. А на самом деле кошмар наступает.

Пыхтя, Никита подтащил Удунова и перевалил через себя, так что ботинки мертвого солдата ударили по лицу. Все, Серега прибыл. А Никита? Он

стянул с головы берет, утер пот и слезы. Расстегнул пуговицу — ветер скользнул по мокрой насквозь тельняшке. Вспомнил Хвостенко: «Она не в черную

полоску, душара. Она сама черная, и только полоски белые. Такая, душара, у нас тут душа. Черная быль. Привыкай».

Но Никита не смог привыкнуть. А значит, обречен. Стоит ли тянуть? Автомат лежал на груди, его близость успокаивала. Пока у тебя в руках оружие,

в этих руках все. Можно изменить будущее в любой момент, просто вычеркнуть его. Запасной выход из Черной был для тех, кто устал от белых полосок на

черной душе. Для тех, кого доконала Зона. Тоже не редкость в спецбатальонах... Хотя стреляются почему-то чаще во второй линии.

Еще ракета. Никита поднял ладони, заслоняясь от ее света, от пристального взгляда оставшихся за кордоном. Он чувствовал себя почти мертвым и

почти свободным. Хорошо.

Позади что-то хрустнуло, какая-то ветка, и Никита резко вскинулся, перевернулся на живот, нашаривая скобу спускового крючка. Никого... Пустая

канава, черно желтая от света ракеты. Четкие тени трав. Там, впереди, в метре за лежащим Удуновым — Зона. Там живут чудовища, оттуда приходят

кошмары и волшебные сказки. Туда рвутся тысячи любопытных идиотов со всего мира, но их вэвэшники останавливают далеко позади, на третьей линии.

Зачем они туда лезут? Говорят, некоторые проскальзывают и потом пытаются вернуться. Их убивают, конечно.

Еще не понимая, что делает, Никита протиснулся мимо Удунова и замер, прислушиваясь к новым ощущениям. Их, конечно же, не было: все тот же

страх, отчаяние и вместе с тем странное чувство свободы. Сзади окрикнули, Никите показалось, что он узнал голос Ачикяна. Беспокоится? Вряд ли. Они

все будут рады, если он не придет назад. А зачем Никите возвращаться? Медленно сходить с ума?

Не всех останавливают, пробираются некоторые ублюдки. Но если там живут люди... То и я смогу жить? Если нельзя идти назад — значит, надо идти

вперед?

Потом Никита думал, что именно в этот момент более всего приблизился к сумасшествию. Настоящему — с пусканием слюней, бессвязной речью,

галлюцинациями. Психоз, окружавший Зону по периметру, едва не пожрал его. Многого рядовой Нефедов не знал, например, того, что большинство

проходивших срочную службу в спецбатальонах рано или поздно попадают на учет к психиатрам. Не знал, что офицерам специальной инструкцией запрещалось

занимать должности в спецконтингенте дольше, чем два года, но инструкция эта не выполнялась, потому что слишком мало было желающих занять их места.

— Нефедов! Если с тобой все в порядке, подними руку! Подними руку! — Лейтенант откуда-то раздобыл мегафон. — Рядовой Нефедов! Приказываю

вернуться!

«Ага... — думал Никита, извиваясь в канаве ужом и уползая все дальше от линии. — Я подниму руку, и вы ударите из гранатометов. Я подползу ближе,

и вы меня расстреляете. Зачем я вам? Сволочи...»

Он даже перестал думать о Зоне, так боялся, что вот сейчас пулемет с вышки прострочит трассирующей нитью канаву, от кордона до линии и дальше,

настигнув беглеца. Но никто не стрелял, только лейтенант все кричал и кричал что-то.

Добравшись до первых деревьев, Никита боком выкатился из

канавы, и по нему тут же ударили из автоматов.

— Не стрелять!!! — донесся крик лейтенанта. — Нефедов! Движение в Зоне, Нефедов! Где ты?!

Пули легли близко, и если бы автоматчики не подчинились приказу, то нашарили бы Никиту. Он, то приподнимаясь на четвереньки, то снова падая на

живот, продвигался дальше в «зеленку». Пусть его сожрут монстры, пусть укусит зомби, пусть! Только бы не назад к этим гадам!

— Нефедов!!! — последний раз крикнул лейтенант. — Нефедов, вернись!

А потом блокпост открыл огонь из всех стволов и подствольников. Никите рассекло щеку отлетевшими от дерева щепками, осыпало сбитой листвой. Он

вскочил на ноги и побежал, даже не пытаясь прятаться, ужас доконал его. На третьем шагу нога вдруг провалилась в пустоту, мир перевернулся. Кубарем

скатившись в овраг, Никита оказался в мелком, грязном ручье, по которому и помчался дальше, удаляясь от кордона наискосок.

Потом все смешалось окончательно. Никита устал бежать, перестал слышать выстрелы, и только свет от выпускаемых в небо ракет иногда доставал

его. Сначала солдат падал в воду, старался спрятаться, потом стало все равно. В какой-то момент пошел дождь, редкий, но очень колючий и холодный.

Никита замерз и, хрипло поскуливая, попытался выбраться наверх, но склоны оказались крутыми и скользкими. Он падал, снова бежал по ручью, карабкался

вверх и опять падал. Наконец рука нащупала корни, и Никита, зажав зубами ремень автомата, подтянулся-таки и пополз уже по мокрой траве.

Рядом оказалась стена. Никита не стал разбираться, что это за здание, не пытался даже осмотреться. Он просто прижался к мокрым кирпичам и

замер, постаравшись стать незаметным, исчезнуть. «Меня нет, меня нет...» Кажется, сверкали молнии. Кажется, кто-то выл в овраге, Никита ни в чем не

был уверен.

Дождь хлестал косо, с левого бока. Остановившись, солдат стал замерзать, тело охватила крупная дрожь. Никита поднял воротник, устроил

«калашников» на коленях. Все, понял он. Зона. Назад пути нет. Потоки воды стекали в овраг, разбитые кирпичи окрашивали подтеки в красный цвет. Он

ощупал стену, встал на дрожащие ноги и постарался понять, где находится. Бесплезно: Никита даже не помнил, с какой стороны прибежал.

Зона оказалась полна звуков, но дождь скрадывал их, смешивал, искажал. Шорох, рычание, вой и, кажется, чья-то далекая ругань. Или это работает

позабытый ушедшими людьми телевизор? Поговаривали и о таком. Никита прижался ухом к холодному кирпичу, прислушался. Стена гудела... Или гудело у него

в ушах? Дождь смыл слезы, холод остудил разгоряченную голову. Никита поднял автомат и застыл, не зная, откуда ждать опасности. Так он и простоял до

самого рассвета.

9

Над блокпостом то и дело вспыхивали осветительные ракеты, потом началась пальба.

— Праздник у них, что ли? — недовольно пробурчал Малек.

— Ты спи, — строго отозвался Сафик, вызвавшийся караулить первым. — Чтобы встал сразу, как скажу!

— Легко сказать: спи! — Малек поежился под отсыревшей курткой. — Положил под дождь: спи!

— Ушастый же спит.

— Это у него отходняк такой, от антишока, я так думаю, — предположил Малек.

— Это у него отходняк такой, от антишока, я так думаю, — предположил Малек. — Может, он вообще помрет. Может, там на упаковке написано:

спиртное воспрещается! А ты по-английски не читаешь.

— Ты читаешь?

— Нет.

— Тогда выпей еще и спи! Не зли меня! — Сафик даже несильно пнул Малька по ноге. — Отвлекать часового запрещается, вот что. В армии не служил?

Малек пробурчал что-то неразборчивое в ответ и притих. Посидев еще немного за импровизированным укреплением из трех тачек, Сафик поднялся,

перешагнул через товарищей и осторожно приблизился к краю оврага. Довольно высоко, круто, а теперь, когда глина намокла, вообще никому не забраться.

И все же кто-то там был... Сафик разглядел метнущуюся тень.

«Крысиные волки, стая, — сразу понял проводник. — Ерунда. Пусть там бегают, если им больше делать нечего. Придет кто-нибудь посерьезнее — сразу

завоют, вот и будет сигнал».

Сафик поежился, затянул шнуровку под горлом. Холодно сыро. Но до ближайшей крыши слишком далеко, а огонь разводить — беду кликать. Он вернулся

к баррикаде и поправил направленные в сторону леса стволы. Будет чем дать отпор, вот только все зависит от противника. Хуже всего человекоподобные

мутанты, пожалуй. От одного контролера они отобьются, но, если парочка, придется туго. Да и зомби, если свеженькие, неприятностей доставят, стрелять

из леса просто. Про изломы и думать не хотелось.

«А точно ли в этом лесу есть странствующие аномалии? — Сафик обладал острым, недоверчивым разумом, от того и стал проводником. — Все говорят:

Проклятый Лес. Да, ходить по нему не сахар, а уж ночью — спаси Аллах. Но движущихся комариных плешей или мясорубок никто не видел... Может, их и нет?»

Он закурил. Только в одиночестве Сафик позволял себе такие мысли. Зона вообще-то не любит недоверчивых, но проводник ее не боялся. Это трудно —

Зона может сделать с тобой кое-что похуже смерти. И все же Сафик принимал вызов каждый

день.

«Ты сама выдумала свои самые страшные кошмары, наслала их на людей. А люди доверчивы... Сижу, боюсь изломов — а есть ли они? Я не видел. А кто

видел — мертвы. Откуда же рассказы? То же самое и странствующие аномалии. Врешь, Зона, ты врешь... Надо проверить.»

Это увлекло Сафика: продолжая рассматривать лес через ПНВ, он начал мысленно планировать ночную вылазку. Пройти через Проклятый Лес ночью!

После этого Червь ему в глаза смотреть не сможет, подонок жадный. Только вешки надо расставить такие, чтобы видеть через прибор ночного видения.

Если бы Малек мог слышать проводника, он бы с уверенностью сказал, что Сафик спятил. И оказался бы недалеко от истины. Более мудрый Ушастый

заметил бы, что все они тут давно сошли с ума. Рисковать каждый день за не такие уж великие деньги, которые можно потратить разве что на патроны,

унижаться перед хозяином, прятаться и от мутантов, и от людей... Нормальный человек давно бы застрелился — ведь другого выхода с Зоны нет.

«Скажу: дай ПНВ! Я, скажу, проводник, а ты кто? Ты без меня — никто! Сосо умер. Паля много пьет. Пусть дает. А я пройду ночью через этот лес и

докажу Зоне, что я сильнее! Всем докажу. Нет никаких странствующих аномалий, и изломов нет, и бюреров, наверное, тоже.

Однажды я вернусь к ЧАЭС...

Смогу вернуться».

Размышляя, Сафик яростно пыхтел сигаретой и не заметил три тени, скользящие к людям вдоль оврага. Крупные четвероногие, почти метр в холке,

уверенно двигались в темноте. Если бы люди вышли к оврагу засветло, то заметили бы примятую траву, осколки мелких костей. Ночь скрыла чужую лежку, а

дождь изгнал мускусный запах.

— Малек!!!

Сафик заметил слепых псов совсем рядом, когда вожак уже приготовился к прыжку. Проводник повалился на бок, задирая ствол оказавшейся под рукой

«LR-300». Американская винтовка послушно затарахтела, поливая свинцом темное небо. Пес не прыгнул.

— Ушастый!

— Тут я! — промычал едва очнувшийся от подозрительно крепкого сна Ушастый, нашаривая «калашников». — Где, кто?!

Малек завизжал, поднимаясь во весь рост и высаживая в темноту полный магазин. Ствол плясал у него в руках — в слепого пса невозможно

прицелиться наверняка, уж так эти твари умели управляться с человеческой психикой.

Как только автомат Малька замолчал, вскочил Сафик — надо было дать время товарищу перезарядить оружие. Сквозь ПНВ проводник видел неподвижное

пятно. Молодец, Малек! Попал-таки! Но надо бить еще, слепые псы не умирают сразу.

— Три их, три, рванина! Бей!

За спиной ругался, щелкая затвором, Ушастый. Заклинило?! Сафик обещал себе обернуться, как только Малек снова начнет стрелять, но не успел.

Сильнейший удар сбил его с ног, бросил на тут же опрокинувшуюся тачку, ПНВ слетел с головы. Где-то рядом лежал пес, мертвый или еще живой...

— Сафик!!! — голосил Малек сквозь треск «калашникова». — Сафик!!!

Проводник зашарил по мокрой траве руками: тут должно быть полно заряженных стволов, он же сам раскладывал! Пес прыгнул за тачки и сейчас рвал

Ушастого, Сафик слышал даже, как хрустят кости. «Сайга», наконец-то! Забыв о подстреленной твари, Сафик привстал и с колена выстрелил на звук, не

стараясь прицелиться. Да и куда целиться в такой темноте?!

Автомат Малька сразу замолчал, и проводник сперва испугался: не подстрелил ли? Но через миг раздалось знакомое щелканье пристегиваемого

магазина.

— Сафик?.. Где он?

— Кто? — стараясь говорить спокойно, проводник нашарил новое оружие и пытался на ощупь понять, с чем имеет дело. — Я убил пса?

— Вроде угрохали его мы с тобой... Я весь магазин всадил! Лежит. Пальнуть еще?

— Погоди. Один тут, один возле тебя. Значит, еще один, гад. Ушастый жив?

Малек завозился в темноте, подбираясь к товарищу. Пока он, опасливо трогая мертвого пса, искал тело Ушастого — а в его гибели Сафик не

сомневался, — проводник нашел и ПНВ. Надел, всмотрелся. Тень вертелась между деревьев.

— Щенок остался. Один... Не нападет.

— Другой бы кто не пришел! — проворчал Малек. — Все, отбегался Ушастый. Чебурашка, едрит его в душу! Он в того, третьего пулял, но пес-то

скачет, и не прицелишься! И тут этот как скакнет из темноты, я чуть в овраг не улетел.

— Ты везучий, он — нет.

— Ты везучий, он — нет. Не его ходка, — вздохнул Сафик и закурил, унимая дрожь в руках. Ему было немного стыдно, все же прозевал приближение

трех гадин. Но стыд никогда не мучил проводника подолгу. — Поправь тачки. Спать не будем больше, возьми ПНВ тоже. Аптечку надо? Бери.

— Червь с нас спишет, не расплатимся... — бормотал Малек. — Да, этот гад Ушастому сразу артерию на горле порвал. Без шансов... Давай столкнем пса

вниз? Волки порадуются или кто там воет.

Эта идея Сафику понравилась — ни к чему иметь рядом даже мертвого мутанта. Говорят, иногда псы оживают. Сам он считал это выдумкой, но сейчас

не время для борьбы с кошмарами Зоны. Только что Сафик ее снова победил, надо передохнуть. Они сбросили обоих псов, и третий, почти взрослый щенок,

заснул в лесу.

— Заткнись, мразь!!! — Малек выпустил в сторону деревьев длинную очередь. — Убью!

— Перестань, сам уйдет. Тише, не любит Зона шума.

Они восстановили баррикаду, выпили водки. Потом Малек обшарил карманы Ушастого, перемазавшись в крови, и отправил крысиным волкам в овраге еще

один подарок — труп человека.

— Светло станет — поделим, — пообещал он Сафику. — Но денежек мало.

— Ты небось тоже при себе не все носишь, — пожал плечами Сафик.

Малек промолчал. Конечно, он имел тайник, и не один! Если бы он все заработанные, а это шестьдесят тысяч, если на доллары прикинуть, с собой

таскал — да сам Ушастый его и придавил бы в первой же ходке! Карточные долги отдавать надо, да и не только в них дело. Уйти с Зоны трудно, говорят,

что невозможно, но деньги поддерживают надежду, придают смысл существованию здесь. Вот он еще немного накопит и встретит вдруг кого-то, кто выведет

за кордон...

— Я в Проклятый Лес скоро пойду, ночью. Ты со мной? — вдруг спросил Сафик.

— Что я, идиот?

— Трус ты, трус! — добродушно засмеялся проводник. — Чмо!

— Сам чмо! Дурак ты, Сафик, и шутки у тебя дурацкие...

— Не шучу. А не трус — идем со мной! Нет никаких странствующих аномалий!

— Да, конечно... — Малек исхитрился одной рукой свинтить крышечку с бутылки и тайком отхлебнул. — И жарки у моста нет. Скажи мне, как пойдешь,

где твои тайники. Чего добру пропадать?

— Эх, чмо! — хихикал проводник. — Жадный! Не уйдешь из Зоны. Никто не уйдет.

— Уйду...

— Как Ушастый, да? Или как Фред?

Малек сплюнул и вдруг принялся ругаться. Долго и громко, поливая Сафика всеми известными бранными словами. Обычно суровый проводник не отвечал,

а только смеялся все сильнее. Двое сумасшедших под ночным дождем.

10

Просто удивительно, как хорошо может прочистить мозги совместная работа холода, голода и страха. К утру Никита видел свою жизнь ясно, как на

ладони. Домашний мальчик попал в действительно скверное место — и расклеился, потерялся.

Вместо того, чтобы приложить все усилия, чтобы вырваться с

кордона, навсегда покинуть — любым способом! — спецбатальоны, где скованные постоянным ужасом Зоны бойцы думают только о том, как забыться

наркотиками или издевательствами друг над другом, Никита попытался приспособиться. А когда не смог — обрек себя на гибель. Ведь все было так просто:

пойти к командиру полка и рассказать, что готов перестрелять всю свою роту. Нет, не погнали бы его обратно, устроили бы где-нибудь на второй линии.

Там пришлось бы туго, но оттуда выбраться проще, через любые унижения можно пройти, если хочешь выжить. Но для этого надо просто не стать частью

системы. Имя которой — Зона.

В конце концов можно было прострелить себе ногу. И пусть потом штрафбат — это лучше, чем неминуемо загнаться в спецбатальоне. Никита не Ачикян

и даже не Хвостенко, он не мог тут выжить. И Серега Удунов не мог. И неизвестно, как еще сложится служба у бравого ефрейтора Петровского... Надо было

уходить. Но так мог решить только взрослый, к тому же с ясным рассудком, а Никита все еще оставался ребенком, затравленным ребенком. Который,

кстати, так и не написал матери.

— Мама, не горюй... — хрипло прошептал Никита, глядя на медленно поднимающееся из-за далекого поселка солнце.

Стало теплее, часа через два от мокрого камуфляжа повалит пар. Если бы еще разуться и высушить рваные уставные носки... Никита даже потрогал

ботинки, разбитые еще предыдущим владельцем, но мокрые, грязные шнурки сейчас развязать было просто невозможно. Он повесил автомат на плечо,

продолжая держать палец на спусковом крючке, и только теперь понял, как устали руки, всю ночь державшие оружие. Или только пару часов перед

рассветом? Никита не помнил. Он осторожно вытащил из кармана сырую сигарету, с трудом раскурил ее.

Жрать хотелось зверски. С чего, с чего Никита взял, что Ачикян с лейтенантом задумали пристрелить его? Да нет же, наверняка позволили бы выйти,

даже не трогали бы с неделю. Потом, конечно, Мише Ачикяну надоело бы заботиться о чмошнике, и Хвостенко с Алихановым отыгрались бы по полной

программе. Но это потом... Вместо этого Никита Нефедов выбрал смерть. Или что-то хуже.

О Зоне охранявшие ее солдаты знали немного, хотя офицеры особо не секретничали. Когда-то давно здесь была атомная электростанция, которая

рванула так, что радиация расплзлась на пол-Европы. Потом с реактором что-то сделали, заглушили, что ли... Никита даже читал об этом на гражданке, да

забыл уже. Радиация повышенная, грибы вроде отравленные, телята с двумя головами. Все это не так уж важно теперь, после того, как в 2006 году Зона

опять проснулась.

Никита тогда учился в средней школе и помнил, как перепугались взрослые. Хотя чего было бояться: Зона от Урала далеко, тут своих зон хватает.

Но родители не давали смотреть ни сериалов, ни музыкальных программ, все время переключались на новости. Постепенно Никита стал понимать, что в

Украине творится что-то действительно необычайное.

«Вспышка», вот как некоторое время называли взрыв в газетах. Волна неизвестной энергии покатила от бывшей АЭС во все стороны, превращая все

живое в куски мяса. Выдвигалось множество гипотез, от землетрясения до падения метеорита из антиматерии, но каждый раз выступающие в телепрограммах

ученые разводили руками: у нас слишком мало информации для окончательных выводов! Зону оцепили войсками, Никита помнил кадры: контингент российских

войск по просьбе правительства Украины высаживается на границах тридцатикилометровой Зоны.

Веселые, сильные ребята-десантники.

Отец тогда бурчал, что на месте этих ребят отказался бы загружаться в самолет, потому что им еще детей делать, а Чернобыль к этому не сильно

располагает. И все же репортажи пошли спокойнее, никаких сенсаций. Ввод войск НАТО, протесты России, создание коалиции. И за всем этим постепенно

забылось, что именно целая армия вооруженных до зубов солдат там охраняет. Ну, был взрыв, ну, погибли люди. А дальше что?

Желтая пресса, конечно, Зону полюбила. Время от времени появлялись кричащие заголовки: «Тайна Зоны раскрыта!» Во всем оказывались виноваты то

инопланетяне, то атланты, то экстрасенсы. Никита этой ерундой мало интересовался, дорос до девочек и гитар. По телевизору ажиотаж постепенно

прекратился. Произошла катастрофа, в причинах которой разбирается множество правительственных комиссий, которые однажды представят свои результаты...

И все.

Только перед самым призывом на службу, от которого Никите отвертеться так и не удалось — вот дурак-то! — тема Зоны стала чуть ближе. Пацаны во

дворе спорили: хорошо туда попасть или не очень. Вообще-то все знали о существовании спецбатальонов, тайна невелика. Знали, какая у них форма, какие

шеvronы, какой цвет погон и петлиц. Издалека казалось, что служить там престижно, лучше даже, чем в десанте. И все же была в спецбатальонах некая

загадка. Оттого и множество сплетен: одни говорили, что там все импотенты, другие, что служить только год, третьи, что потом в любые органы берут

без разговоров, с такой подготовкой.

Никита не знал, как относиться к спецбатальонам. Да и не казалось ему, что туда можно попасть: войска-то, говорят, элитные. Стройбаты — вот

чего он действительно боялся. Кому охота всю службу кирпичи таскать? Поэтому, когда их команде, прибывшей с призывного пункта самолетом на базу под

Киевом, объяснили, где они будут служить, Никита даже ошалел слегка.

Командир сразу отмел все подозрения во вредности службы для здоровья. «Ерунда! Я там бываю каждый месяц, ясно? У нас лучшая медицина, постоянно

будете сдавать анализы. А чтобы вы не трусили, государство предоставляет вам официальную страховку». И правда, раздали бумаги. Никите показалось,

что сто тысяч российских рублей — не такая уж великая сумма за «доказанный вред здоровью, нанесенный фактом пребывания в местах, близких к

Чернобыльскому феномену». Но все подписали — и он подписал. Подписали и обязательство не разглашать тайну, разрешение на перлюстрацию почты, много

чего еще подписали. Многие и не читали эти бумажки, не привыкли так много букв за один

день видеть.

Учебка на той же базе Никите скорее понравилась. Он окреп, научился стрелять из «калашников», трех видов пулеметов, гранатомета... Правда, не

так чтобы очень уж научился — времени давали мало. Зато гоняли постоянно на стадион, Никита здорово окреп. Курить начал, но это скорее от

однообразия жизни. Про Зону говорили много, но мало рассказывали. В основном наука сводилась к простому принципу: все, появляющееся из-за линий,

должно быть уничтожено. Об уничтожении — доложить. В штабе полка, объединяющего три-четыре спецбатальона, разберутся и, если нужно, пришлют команду

яйцеголовых.

Кое-что просачивалось в солдатскую курилку и сверх разрешенного, конечно же. Спецбатальоны никому в России не нужны, их скверно снабжают, и

оружие старое, со складов. То ли дело натовцы... Контрактники служить на Зону почти не идут, потому что денег мало, а риск велик.

Спецбатальоны никому в России не нужны, их скверно снабжают, и

оружие старое, со складов. То ли дело натовцы... Контрактники служить на Зону почти не идут, потому что денег мало, а риск велик. У офицеров год

выслуги идет за три, а солдат хрен кто раньше отпустит, если не считать месяца медицинских проверок. Но все это казалось Никите чем-то маловажным.

Служба есть служба, не сахар. Ему представлялось, что вот так, вместе со своими стриженными одногодками, он и отправится на кордон. На вторую, а

лучше — на первую линию, где с оборудованных позиций, как в тире, расстреливают монстров, ломящихся из Зоны.

Все, конечно же, оказалось не так, хотя на первую линию он попал. Вот тут-то Никита понял, что такое «плохое снабжение». Даже формы не хватало,

и особенно — хорошей обуви. Ботинки деды сняли с него в первый же день, опередив старшину. Тот так разозлился, что еще два дня не давал Никите

замены. Только когда настал черед взвода заступать на блокпост, разъяренный лейтенант заставил прапорщика обуть бойца. Ну, тот и расщедрился — выдал

ботинки на размер больше, да еще и растоптанные, почти совсем без каблучков.

«Элитные войска» оказались полным дерьмом. Почему? Россия действительно игнорировала свой контингент на Зоне, задерживалось даже жалованье

офицерам, и без того небогатое. Еще удивительнее, что не лучше обстояли дела у украинцев, хотя они-то чем отличались от других частей своей армии?

Однако совсем близкий Киев тоже жадничал, как мог. В таких условиях контрактников не было вовсе, если не считать таких, как известный Никите Кравец,

но он — совершенный псих. Садист. Из любого другого места его бы давно прямым отдали бы под суд, но на Зоне хронически не хватало людей.

Самоубийства, как минимум половина из которых — покрытые убийства, боевые потери из-за прорывов...

Сумасшедшие части. Бедные, озлобленные, вечно пьяные. То немного, что спецбатальоны все-таки имели, постоянно менялось на самогонку. Местные

самогонодилеры, наверное, недурно наживались. А еще были грибы. «Дембельские грибочки», как их называли деды. Осенью, как рассказывал Хвостенко,

наверняка человек пять из батальона сдохнут от передоза. Никите этого уже не увидеть...

Сигарета кончилась. Солнце поднялось над поселком по ту сторону оврага, в окнах ярко сияли стекольные осколки. Брошенные дома, мертвая земля...

Хотя нет, не мертвая. Живности на Зоне много. Красноглазые крысиные волки, кабаны, слепые псы — этих Никита видел сам. Жуткие твари. Но настоящий

страх в бойцов вселяли люди, бывшие люди. Мутанты, зомби, как их только не называли. Они и устраивали прорывы, каким-то непостижимым образом вырезая

порой целые взводы.

Никита тихонько присел и затушил окурок в мокрой земле.

Голод рвал нутро на части, курево не помогало. Надо куда-то идти, надо как-то выживать... Хотя скорее всего Никита просто найдет свою смерть.

Если на Зоне и есть нормальные люди, то приبلудный солдат им не нужен совершенно. Они приходят сюда, прорывая оборону с тыла, не для того, чтобы

нянчиться с сумасшедшими дезертирами. Поговаривали, что где-то у самой ЧАЭС есть некий источник супернаркотика, лишь дальними, слабыми

родственниками которого являются «дембельские грибочки». Но все это только разговоры.

«Вертолеты!» — вдруг вспомнил Никита и чуть приободрился. Иногда над Зоной кружили вертолеты с учеными или какими-то спецкомандами.

Иногда над Зоной кружили вертолеты с учеными или какими-то спецкомандами. Может быть,

они опускаются здесь, а может быть, и нет. Все же именно вертолеты со штатскими — единственный шанс Никиты выжить, ведь спецбатальоны обратно не

пустят. У них приказ: убивать всех, идущих с той стороны. Значит, надо попытаться найти убежище, такое, в котором не достанут кабаны или слепые псы,

добыть пищу и ждать. Потом привлечь внимание вертолетов, и... И, скорее всего, прямо с воздуха ударят из пулеметов. Но может быть, и нет.

Никита глубоко вздохнул, снова взял «калашник» в обе руки и медленно двинулся в обход здания, у стены которого провел свою первую ночь на Зоне.

Ботинки с налипшей грязью довольно громко чавкали, как ни старался дезертир двигаться бесшумно. Но с деревьев все еще падали капли, под ногами

журчали крохотные ручейки, стекающие в овраг, — можно было надеяться, что на звук не обратят внимания.

Хотя кто не обратит? Люди — возможно, а вот животные, точнее, те твари, что обитают в Зоне, вряд ли обманутся. Добравшись до угла, Никита

увидел первого представителя своеобразной местной фауны. На его счастье, это оказалась крыса. Но обычных крыс в Зоне не бывает, тут все обычное

погибло несколько лет назад. Никита вскинул «калашников», стараясь удержать крупного жирного зверька с недобрыми глазками в пляшущем прицеле.

Сердце стучало все сильнее, будто собираясь выскочить из груди. Так бы, наверное, и случилось, потому что нажать на крючок Никита никак не мог

решиться, но крыса вдруг повернула морду в сторону, будто что-то услышав, и присущей ее сородичам рысцой скрылась в кустах.

«Может, обычная крыса? — запоздало подумал Никита. — Может, ее шугануть надо было, да и все?»

Оскальзываясь на мокрой глине, он пробежал вдоль здания, оказавшегося порядочных размеров, стараясь не задерживаться напротив оконных проемов.

Внутри он увидел мусор, ободранные обои, закопченный потолок. Возле следующего угла Никита позволил себе отдышаться и сделал еще шаг.

Снова крысы, на этот раз две. Сидели у входа и смотрели друг на дружку, шевеля усиками. Крупные твари, с такой не каждая кошка сладит. На

Никиту крысы совершенно не обратили внимания. Он опустил автомат к поясу, пальцем не глядя переключил на стрельбу очередями.

«Здоровые. Люди ушли, значит, жрать им стало нечего. Но приспособились... А как? Одичали, стали охотиться».

Позади раздался громкий шорох. Никита обернулся, отскочил в сторону. Еж. Всего лишь крупный, недовольно пыхтящий еж выбежал из-за угла,

покосился на крыс, на человека и заспешил вдоль оврага дальше.

«Зверья полно... — Никита перевел дух, расслабил палец на крючке. — Заповедник. Значит, с голодухи не пропаду, ежей тоже можно жрать... Наверное».

Убежище. Надо найти надежное убежище, желательно с крепкой дверью, с надежным засовом. Какой-нибудь подвал, например, только без щелей, чтобы

крысы не пробрались. Затаиться там и ждать своего шанса — вертолетов. Может быть, удастся привлечь внимание, может быть, его подберут. Ну а там —

пусть штрафбат, пусть облучают в своих секретных клиниках, что угодно. Главное — вернуться к людям.

Нарочито громко топая, Никита двинулся на крыс.

— А ну пошли! Пошли отсюда!

Крысы отбежали от входа в здание, уставились на Никиту.

Он сделал несколько быстрых шагов в их сторону, рассчитывая, что зверьки бросятся

бежать, но крысы лишь прижались к земле. Похоже, они собирались драться, а это в планы человека не входило.

— Совсем оборзели!

Никита, поглядывая то в сторону близкого леса, то на вход в заброшенное здание, опустился на колени и пошарил в траве. Мелкие камушки, но

должно хватить. Он бросил сразу горсть, чтобы наверняка зацепить одну из крыс, но та перенесла атаку «дробью» стоически, только глазки стали еще

злее. Вторая крыса что-то пискнула, подалась чуть вперед.

— Сволочи какие...

Стараясь не удариться в панику, Никита стал кидать гравий горсть за горстью, и добился-таки своего: крысы отступили. Правда, недалеко — метров

на двадцать, под прикрытие кустов. Выпрямившись, дезертир поудобнее перехватил автомат и подошел наконец ко входу.

Обгоревшая дверь валялась внутри, будто сорванная с петель каким-то взрывом. Виднелись также четыре ступени, засыпанные битым стеклом и

мусором, кусочек грязной стены и погнутые перила уводящей наверх лестницы. Никита сунулся внутрь, задрал голову и оружие, тут же отступил. Вроде бы

никого... Крысы внимательно наблюдали за его действиями.

— Чтоб вы сдохли! — пересохшими губами прошептал Никита и вошел.

Первый этаж — длинный широкий коридор через все здание, выходящий к окну. По обе стороны — около десятка пустых дверных проемов. Больше всего

похоже на школу. Никита сделал несколько крадущихся шагов и услышал позади легкий шорох. Крысы! Но не те, что остались на улице. Три твари

беззаботно прыгали по ступеням, спускаясь со второго этажа.

Стрелять не хотелось. Патронов немного, но еще страшнее привлечь к себе внимание кого-то пострашнее крыс. Да и не так уж легко попасть в

скачущих мелких зверьков, если им вздумается атаковать всем сразу, больше придется рассчитывать на шумовой эффект.

— Пошли отсюда!

Когда крысы сунулись в коридор, Никита пнул кучу мусора. Крысы запрыгали, уворачиваясь от битого стекла и кусков штукатурки.

— Пошли! — Никита топнул ногой. — Вон! Вон!

Он бросил короткий взгляд через плечо и застыл. Из кабинетов или классов в коридор высыпали еще десятка два вредителей и теперь с интересом

наблюдали за гостем. Некоторые экземпляры в холке достигали полуметра, по крайней мере так с перепугу показалось Никите. Толстые длинные хвосты

тянулись за их обладателями, словно ободранные змеи.

— Кыш! Кыш! — Никита и сам заскакал не хуже крыс, стараясь топаньем заставить отступить тех трех, что не выпускали его из коридора. — Стрелять

буду!

Но крысы отступали неохотно, а сверху на помощь им спешили новые бойцы. Никита снова оглянулся и увидел здоровенную крысу совсем рядом, она

скалила желтые зубы, заглядывая человеку прямо в глаза. Это было уже слишком, и Никита выстрелил в упор, разметав тварь на клочки короткой очередью.

Крысы подались назад, запищали, и тогда он уже с отчаянной решимостью рванулся к выходу.

Какая-то мерзавка прыгнула на него прямо со ступенек, но Никита исхитрился отбить ее стволом, при этом нажав на крючок и снова наполнив коридор

грохотом. Пули оставили дорожку на стене и потолке, посыпалась штукатурка.

Никита выскочил на улицу, на ходу стряхивая с ботинка еще одного

смельчака, вцепившегося в подошву, и увидел, что пространство от здания до самого леса усеяно серыми телами. Сотни крыс...

Никита, боясь отвернуться от этой армии, пошел вдоль стены назад, к оврагу, и тут же в его плечо с яростным писком вцепилась прыгнувшая из окна

крыса. Он закричал, приставил прямо к ее морде ствол и выстрелил. Крысу размазало по стене, несколько пуль ударили в кирпичи и осыпалиседающих

хищников красным дождем осколков, но автомат замолчал раньше, чем Никита убрал палец с крючка. Когда успел расстрелять все патроны? Магазин пуст, и,

хотя второй тут же, примотан изолентой, перезаряжать «калашников» нет времени.

Никита просто побежал. Как ни быстры крысы, а догнать человека на своих коротких лапках все-таки не в состоянии. Сейчас он не боялся ни слепых

псов, ни зомби — страшнее всего оказалась перспектива быть разорванным на части мелкими красноглазыми врагами. Крысы кинулись следом, Никита слышал

дробное топотанье тысячи лап. В три прыжка достигнув угла, дезертир помчался вдоль глухой стены.

«Только бы не окружили...»

Но крысы, даже сбившиеся в огромную стаю, поселившиеся в брошенной школе и готовые ее оборонять, пока не освоили искусство облавных охот.

Оскальзываясь на мокрой глине, отчаянно шлепая по лужам своими «дембельскими» ботинками, Никита выбежал на покрытый потрескавшимся асфальтом

участок. Проржавевшие, погнутые баскетбольные стойки, останки каких-то деревянных спортивных снарядов... Перемахнув через трухлявое «бревно» и

полуразрушенный заборчик, дезертир оказался в саду.

Деревья все еще росли согласно плану садовника ровными рядами, но пространство между ними активно заполняли кусты. Продираясь сквозь густые

заросли, Никита на бегу все же исхитрился перезарядить оружие. Оставив на упругих ветках несколько капель крови, он выбежал к детской площадке.

Маленькая металлическая карусель еще держалась в растрескавшемся бетонном кольце, деревянные столбы качелей лежали на земле. За площадкой — снова

овраг.

— Как это?! — не понял Никита и закружился на месте, соображая. — Ага... Поворот...

Справа он увидел маленький пешеходный мостик и побежал к нему. Там, если удастся перебраться на другой берег, можно будет передохнуть.

11

Бросать груз Сафик отказался, да Малек и не спорил. Деньги, большие деньги Червя. Потеряешь — будешь платить с процентами, то есть втройне. И

без того возьмет за все: и за аптечки, и за ПНВ распакованные, даже за каждый патрон из груза. У него все посчитано. В другом месте можно было бы

припрятать тачку и потом вернуться, но тут неподалеку резиденция Мачо, и его люди обязательно придут проверить, что за стрельба была ночью. Им-то

хорошо слышно: слева блокпост, справа овраг. Не перепутают.

Вышли еще затемно и, пока дорога позволяла, тащили три тачки в ряд, кое-как прихватив среднюю. Потом деревья подошли вплотную к оврагу, и

Сафик, вооружившись детектором, а заодно и простым болтом на веревочке, прощупывал маршрут, пока Малек одну за другой катал тачки. Скорость

оказалась невелика, но было не до спешки.

— Может, Червь догадается кого-нибудь нам навстречу послать? — с надеждой предположил Малек во время короткого перекура.

— Откуда он знает, где мы? Подумает, что на блокпосту стреляли. Да и... Все равно не послал бы, не будь ребенком. У него людей тогда почти не

останется.

— Ну, тогда нам впору молиться. За мостиком Мачо может нас прищучить, его земля.

— Ты еще пройди тот мостик! — хмыкнул Сафик, — Там тебя жарка ждет. Кончай курить, кати теперь вот на ту березку, я прощупал дорогу. А в лесу

вроде кабан крутился, посматривай.

— Боишься без грузчика остаться? — хмыкнул Малек.

Мостик они увидели издалека. Когда-то он, видимо, здорово облегчал жизнь обитателям поселка: через овраг, потом по тропке час через лесок — и

уже город. Правда, на машине не проехать, но велосипедистам — одно удовольствие. Ушли те времена, ушли и оставшиеся в живых жители. Нехитрая

конструкция из сваренных труб, переброшенная через овраг, давно покрылась ржавчиной, но пока оставалась крепкой.

— Мы тут как на ладони, — пропыхтел Малек, подкатывая к Сафику очередную тачку. — Может, на нас уже смотрят.

— Нет, — уверенно соврал проводник. — У меня чутье. Когда смотрят, я знаю. Не дрейфь, брат! Кати и поглядывай на лес, а я пройду к мостику,

потом помогу.

Но Сафик не успел сделать и нескольких шагов. На той стороне оврага вдруг появился солдат, он выбежал из кустов возле полуразрушенной школы,

смешно размахивая автоматом.

— Малек, тревога!

Сафик присел на колено, вскинул винтовку. Малек последовал его примеру, укрывшись за тачкой. Солдат пробежал мимо карусельки, едва не свалился

в овраг, в этом месте особенно глубокий, и помчался к мостику.

— Что за придурок? — буркнул Малек. — Снять?

— Сам умрет, на мостике, если будет так торопиться. От кого бежит?

— Ребята Мачо его гонят, кто еще?

— Да? То есть он один пришел? И мы тут как на ладони, тачки в лес прятать поздно...

Сафик вдруг прицелился и дал короткую очередь прямо под ноги солдату. Тот споткнулся, повалился в траву совсем рядом с мостиком.

— Чего ты? Сейчас бы жарка его достала!

— Зачем? Пусть постреляет в тех, кто за ним гонится, а мы посмотрим. И если что — бери хоть одну тачку и кати назад, я прикрою.

Малек тихонько сплюнул. Назад — это метров пятьдесят, спиной к врагу. Куда проще пристрелить Сафика и спокойно удрать належке. Вот только куда

идти без проводника? Не в лес же...

Солдат шустро полз к группе молодых деревьев. Трава качалась, отмечая его путь, стреляй — не хочу. Мальку показалось, что в воздухе над

мостикум что-то есть, почти неразличимое, прозрачное. Он сморгнул.

— Сафик, а эта жарка — аномалия или живая?

— Заткнись.

Солдат все полз, а возле моста в воздухе начало формироваться розовое облачко, явно вытянутое в его сторону.

— Это же не обычная жарка... Кто ее поймет? Слышь, Малек! Никого не видать. Нет здесь Мачо или пока нет. Ну-ка, кати тачку к мосту.

— А ты? — насторожился Малек.

Ну-ка, кати тачку к мосту.

— А ты? — насторожился Малек.

— А я вторую возьму!

Проводник, решившись, повесил винтовку на шею и первым побежал с грузом под уклон.

Жарка постепенно проявлялась, трава под ней начала

обугливаться. Она явно отходила от мостика, своего логова. Сафик надеялся, что жарка окажется спящей, тогда проскочить нетрудно — если знаешь как.

Но подвижная аномалия, единственная, в существовании которой даже Сафик не мог усомниться, проснулась и явно собралась атаковать служивого.

«Что он тут делает?! — на бегу снова попытался сообразить Сафик. — Почему мы не слышали техники? С чего коалиционеры вообще полезли за кордон?

Последний выброс был не сильный».

Жалобно поскрипывало колесо тачки. Подбегая к мостику, проводник увидел, как высунулся из травы солдат. Он круглыми от удивления глазами

установился на смуглого человека в камуфляже, с ног до головы увешанного оружием, да еще и катящего перед собой старую строительную тачку, полную

каких-то коробочек. Сафику стало бы смешно, не подними при этом солдат оружие. Надо спасаться...

— Ложись, дурак!!! — на бегу заорал он. — Слева, рядом!

Солдат дернулся, скосил глаза и наконец увидел подобравшееся к нему клубящееся облачко красного цвета. Жарка еще не активизировалась полностью,

но трава уже загорелась. Взвизгнув, словно поросенок под ножом, солдат откатился в сторону, ударился о ствол дерева и вскочил. Жарка прыгнула.

«Ох и непростая же это тварь! — в который раз удивился Сафик уже на мосту. — Живая или нет — разве поймешь? Не растет ли она?»

От моста остались только стальные части, дерево сгнило еще до того, как тут обосновалась жарка. Но вдоль всей конструкции тянулись две широкие

трубы, по любой из которых легко мог пройти человек. Если, конечно, он не катит перед собой эту дурацкую рухлядь...

— Малек, осторожно! — упреждающе крикнул Сафик, не сомневаясь, что приятель рядом. — Червь тебя к шайтану отправит за груз!

— Не бойсь!

Сафик замедлил шаг, опасаясь, что колесико соскочит, а вот Малек проявил неожиданную лихость: промчался через мост на всех парах, даже обогнал.

— У карусели сядь, прикрой меня!

Сафик бросил тачку, едва откатив ее от мостика, тут же свалил лишнее, оттянувшее плечи оружие. Жарка, выбрасывая кровавые протуберанцы, не

позволяла солдатику вырваться, прижимала к обрыву. Почему еще не прыгнула? Одно из деревьев запылало вдруг, все сразу. А ведь минуту назад стояло

зеленое.

— Держу! — донесся голос Малька.

Значит, занял позицию, теперь парни Мачо просто так не подберутся. И где же они? От кого бежал солдат? Сафику стало интересно, и, перебежав

мост, он опять оглянулся. Именно в эту секунду жарка прыгнула, но промахнулась: везучий солдатик чуть раньше метнулся в другую сторону. Упал, сбивая

огонь с опаленного рукава, и будто проснулся, заорал на всю Зону.

Жарка отлетела назад, из облачка снова появились два щупальца. Одно, потолще, не пускало жертву назад к развалинам, другое тихонько плыло вдоль

оврага.

«Вот она чего боится: что он в овраг спрыгнет! — сообразил Сафик.

— Точно живая тварь и подросла, сильнее стала. Чудная жарка на мосту живет!

Но, если живая, может, ее и убить можно?»

Он схватил последнюю тачку, покатил вниз. Повернул голову и чуть не расхохотался: солдатик, почти зажатый в угол, принялся стрелять в жарку.

Однако не до смеха: ведь Мачо это все слышит. Он придет.

— Малек, выручи его!.. — задыхаясь, выкрикнул проводник. — Отвлеки жарку!

Успевший закурить Малек помедлил немного, но все же бросил сигарету. Раз привалила такая удача, жарку активную обмануть, то стоит пошевелиться,

еще одно нежданное счастье поймать. Вот он, новый носильщик, даром разряжающий в воздух оружие. Да еще удача-то с неудачей пополам: шума много на

чужой земле, солдат какой-то... Все же пригодится.

А служивый тем временем расстрелял свой магазин, быстро и без толку. Что ей, жарке, пули? Летят сквозь нее, да и все. Красное облачко уже

далеко выпустило протуберанец, он почти за спину солдату забрался. Теперь шансов спрыгнуть вниз, с кручи, чтобы только не достаться огненной

аномалии, у него нет.

— Чух! — Малек подскочил к облачку, кинул в него горстью сорванной травы. — Чух-чух! Сюда иди!

Пока Сафик составлял все три тачки, пока пристраивался с винтовкой на место Малька, чтобы было кому прикрыть в случае появления людей или

тварей похуже, Малек швырял в жарку все способное гореть, что подворачивалось под руку. Крупных предметов и не требовалось, так, мелочь: та же

трава, деревяшки, угольки...

Жарка почувствовала новую добычу, но медлила, хотя щупальца, протянутые к солдату, рассеялись.

— Да что ж ты такая тупая! — В сердцах Малек и кепи своего не пожалел, достал только из-под кожаной подкладки окурки. — Ну, смотри, какой я

вкусный!

И жарка подалась к нему — споро, жадно. Не прыгнула, конечно, от прыжка он бы не ушел, но вытянувшееся полумесяцем кровавое облачко заставило

Малька отскочить назад и в сторону.

— Эй, служба! — крикнул от карусельки Сафик. — Не стой, как чмо! От оврага уходи, туда, к домам!

Малек еще немного отступил и вдруг, повернувшись, кинулся наутек. Вовремя: жарка быстро сконцентрировалась и прыгнула метра на четыре.

«Большая стала, — снова удивился Сафик. — А ведь я ее помню такой, что сразу только волосы сжечь могла...»

— Все, все! — успокоил он Малька. — Ты ушел, она так далеко от моста не сунется!

— Да? — Малек утер пот. — А ты видел, как она этого парня загнала за деревья? Раньше и туда не ходила!

— Растет...

Некоторое время они смотрели, как тает в воздухе красное облако. Это зрелище всегда завораживало — была некая смертельная, злобная сущность, и

нет ее. Вроде бы.

— Скоро мост совсем непроходным станет.

— Не твоя забота. Эй, служба! — Сафик помахал рукой медленно шедшему вдоль стены солдату. — Давай знакомиться, шевели поршнями.

— Никита...

Он протянул подрагивающую руку.

— В Зоне руки не тянут, дурилка! Без рук останешься, — хмыкнул Малек. — Ну что, Никитка, должок за тобой?

— Это точно, — согласился Сафик, пристраивая на плечо снайперскую винтовку. Он только что осмотрел через прицел окрестности и людей Мачо не

обнаружил. Хорошо ли это? — Все потом. А пока хватайся за эту тачку, парень, и иди прямо.

— Куда? — не понял Никита.

— Туда! — ткнул пальцем Сафик. — И никуда не сворачивай, если жить хочешь. Еще: тронешь товар, пальцы оторву. Для начала. Что там, Малек?

— Никита Нефедов, спецбатальон! — Малек захлопнул военный билет. — Пригодится?

— Выброси.

— Денежки российские, мелкие, письма... — Малек быстро перебрал добычу. — Блокнотик, календарь, расческа. Чмо армейское, как бы.

— Выкинь все. — Сафик сплюнул и посмотрел в глаза Никите. — Ты глухой или бурый? Берись и кати, погань!

Никита медленно обошел тачку и взялся за рукоятки. Аптечки, какие-то приборы, ПНВ, снаряженные магазины... Нелегко оказалось ее толкать.

— Дохляк. Перевернешь — пристрелю! — пообещал Малек. — Сафик, ты хочешь через Площадь идти?

— Что нам остается?

Проводник задумчиво смотрел на худую спину Никиты.

— Что нам остается, Малек? Мачо придет на стрельбу, нам просто везет пока. До Площади с детектором дойдем быстро, а оттуда прямая дорога по

шоссе.

Пройдя с полсотни метров, Никита оглянулся. Оба странных человека, спасшие его от красного облака, двинулись следом. Тачки с оружием и

экипировкой, какая спецбатальонам не снилась... Хотя сами только что не оборваны.

«Как они это все сюда протащили? Вообще, зачем они-то сюда полезли, самоубийцы?»

— Мужики! — решился Никита. — Я... У меня проблемы были в части, я сбежал. Мне бы на ту сторону, за кордон. Я заплачу. Автомат отдам, вот, а

потом — заплачу, сколько скажете. У меня родня богатая, — подумав, соврал он.

— Миллион даешь? — спросил высокий и смуглый, по имени Сафик.

— Ну... Наверное.

— Тогда кати тачку, как велели. Слышь, Малек? Мы с тобой богачи теперь.

— Здорово.

Малек шел последним, часто оглядываясь.

— Площадь — это нехорошо, Сафик.

— Не бойся.

— Там грязно, и кровососы. Облучимся, Сафик.

— Чего ты боишься? И так лысеешь. А остальное тебе вообще здесь не нужно. Кровососам ты любой понравишься, Малек. Да? Не болтай.

У Никиты взмокла спина. Он хотел поговорить, расспросить этих парней обо всем, поведать о крысином царстве. Но они, кажется, боялись чего-то

куда более страшного. Пока рядовой Нефедов понял одно: они идут к зараженной территории. Радиация — плохо, за нее офицерам спецбатальонов надбавки

платят.

— Мужики! — на этот раз он не остановился, только оглянулся через плечо на ходу.

— Мужики! — на этот раз он не остановился, только оглянулся через плечо на ходу. — А сильная радиация там? Просто я хочу сказать: может, обойти

ее как-нибудь?

— Тебя кто спрашивает, чмо? — фыркнул Сафик, сразу став похожим на Мишу Ачикяна. — С тобой разбираться будем потом. Слышь, Малек? Хорош

дезертир. В Зону убежал!

— Да лучше бы ты повесился, миллионер! — донеслось сзади. — Сафик, кто-то там есть, в доме.

Они шли мимо развалин то ли поселка, то ли улицы города. На месте деревянных домов чернели поросшие сорняками пожарища, кирпичные стояли, хотя

и полуразрушенные.

— Я видел, это зомби. Старый! Он нас, наверное, и не заметил, только чует кого-то.

— Откуда только берутся? — проворчал Малек. — Сафик, если люди Мачо появятся, надо все бросать. Нас не просто убьют, нас живыми возьмут

попробуют.

— Появятся — будем решать. А пока замолчи, по-хорошему прошу. Не действуй мне на нервы.

Примерно час продолжался этот однообразный путь. Между домами сновали крысы, но на людей внимания не обращали. Вороны почему-то кружили над

ними некоторое время, потом сразу всей стаей устремились за овраг, в лес. Руины, безлюдье. Не спавший, не евший, Никита здорово устал.

— У вас вода хотя бы есть, мужики?

— Впереди вода, лошадь! — отрезал Сафик. — Видишь столб, что мхом порос? Возле него остановишься.

И правда, в конце бывшей улицы виднелся покосившийся столб. Никита его сперва и не заметил на фоне разросшейся зелени, потому что от земли и до

верхушки столб покрывал густой изумрудный мох.

— А почему он такой, а? Почему?

Сафик не ответил.

«Радиация... — подумал Никита. — Все, кранты мне. Стану уродом, может, в зомби превращусь... Мохом обрасту, блин! Куда же меня занесло, мамочка,

какой же я идиот!»

Вот в этот момент он был готов с радостью кинуться в ноги Ачикяну, Хвостенко, да хоть Кравцу, только бы вернули обратно. Там очень плохая, но

жизнь, ведь жизнь — это надежда. А тут надежды нет. Тут Зона.

Он бросил тачку.

— Я не пойду!

— Что ты сказал, гад?! — Сафик щелкнул затвором, без нужды выбросив заряженный патрон — просто на нервы давил. — Что?! Чума, да я тебя крысам

скормлю! — И снова передернул затвор. — Сдохнешь прямо тут! Ну!

Малек, мало интересуясь происходящим, отвернулся. Оттуда, сзади, могли появиться враги. В это время и в этом месте Малька больше всего пугали

люди. А со строптивым носильщиком пускай Сафик разбирается, быстрее бы только.

— Там же радиация, ну, мужики!.. — Стоять под наведенным на тебя стволом нелегко. — Ну как же так можно?

— А мы что, не идем туда? Одного тебя посылаем?! — Сафик, бешено вращая зрачками, опять щелкнул затвором. — Вперед! Или я тебя просто убью, мы

время теряем, погань!

— Да и черт с вами...

Никита, проклиная свою трусость, взялся за отполированные рукояти тачки.

Черт с вами? С кем? Черт с нами, он хотел сказать. С рядовым

Нефедовым, в том числе. Кому он такой нужен? Пусть сдохнет, трус. Чмо. Не выдержал близости Зоны, сломался и побежал прямо к ней. Зачем? Умирать,

конечно. А тогда ни к чему и тянуть.

Малек между тем поравнялся с Сафиком:

— Он все врет.

— Я что — баран? Конечно, врет.

— Опасно.

— Пока тачку катит, пусть врет, — оскалился Сафик. — Дома Червь разберется. За спиной следи, не отвлекайся.

У странного столба улица пожарищ и руин заканчивалась. Площади никакой не было, по крайней мере строители городка ее не планировали. Однако

имелся правильный круг диаметром примерно двести метров, идеально ровный, почти не замусоренный. Откуда он взялся, не знал никто.

Сафик подкатил свою тачку к Никите.

— Слушай, гад. Слушай и не переспрашивай. Я не знаю, кто ты и откуда, но тачку ты должен прокатить через Площадь! Попробуй только опрокинуть, я

с тебя бритвенным лезвием шкуру сдеру! — Сафик схватил Никиту за плечо и встряхнул. — Бритвенным лезвием, клянусь, — тихо и внушительно повторил

он. — Когда скажу, берешься за тачку и как можно быстрее катишь. Никуда не смотришь, только вперед! Я и Малек рядом, мы обо всяких тварях

позаботимся. Не останавливайся и не оборачивайся, иначе...

Он приподнял клапан нагрудного кармана и показал Никите приколотую к ткани булавками блестящую полоску металла. Бритвенное лезвие для старых

станков.

— Вот этим лезвием. Оно никогда не тупится.

Никита кивнул, стараясь выглядеть не испуганным, а просто равнодушным. Он еще не знал, что иногда в Зоне можно найти странные предметы.

Например, никогда не тупящиеся бритвенные лезвия производства старой, всеми забытой советской фирмы.

«Скоро я умру, — подумал Никита. — Ну и пусть».

— Пошли! — бросил, словно плюнул, Сафик.

<http://tl.rulate.ru/book/99260/3375621>